

Анастасия Туманова

Дэн Бенимана

Жёны Шанго

магические тропики

Магические тропики

Анастасия Туманова

Жёны Шанго

«Автор»

2020

Туманова А.

Жёны Шанго / А. Туманова — «Автор», 2020 — (Магические тропики)

В Городе Всех Святых правит древняя африканская магия. Люди легко становятся богами, боги на каждом шагу вмешиваются в судьбы людей... Эва Каррейра учится в университете Сан-Паулу, устраивает личную жизнь, ждёт каникул. Но ночью гремят барабаны макумбы – и обычная студентка становится ориша Эуа, ласковой богиней дождей и превращений! От неё ждёт помощи красавица Ошун, в сны которой вторгаются чудовищные видения из далёкого прошлого. Эва должна помочь подруге. Она вступает в битву, не зная, что ей предстоит война против собственной матери...

© Туманова А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анастасия Туманова

Жёны Шанго

Пролог

Ночное море тихо шевелилось, накатывая на песок. Баиянская ночь была черна как бархат, и Город Всех Святых спал на своих холмах. Спали деловые люди – даже во сне волнуясь об индексах и котировках биржи. Спали торговцы, беспокойно ворочаясь и вспоминая о неуплаченных налогах и сомнительных сделках. Спал мёртвым сном рабочий народ: портовые парни, рыбаки, женщины с табачных фабрик, водители, грузчики, официантки, торговки с Модело-Меркадо. Засыпали после тяжёлой ночи проститутки: кто – в обнимку с последним клиентом, кто – в одиночку, раскинувшись на благословенно пустой кровати, кто – под боком у своего посапывающего, как невинный младенец, «кота»... Спали дети, спали влюблённые, спали уличные музыканты, спали бандиты, наркоторговцы, артисты кабаре. Спали макумбейрос¹, спали Дома Святых, – и сами ориша², облетев напоследок спящий город в ладонях холмов, засыпали кто где – в объятиях друг друга и в одиночестве, в лесных зарослях и в усталом океане, в облаках среди капель дождя и радуг – и в рыбацкой лодке, забытой на пляже.

– Эвинья, красotka, любовь моя...

– Эшу³, ради бога... Я хочу спа-ать...

– Опять?! Женщина, ну сколько можно? Скоро утро, а она всё хочет спать!

– Но я же только что заснула... Эшу, пожа-а-алуйста... – Не договорив, Эва⁴ повернулась на живот, подсунула руку под голову. Спутанные кудри скользнули ей на лицо.

Эшу сердито вздохнул. Осторожно, едва касаясь, провёл пальцами по спине девушки. Но Эва уже спала, по-детски поджав под себя ногу и чуть посапывая во сне.

– Храпишь, как портовый грузчик, детка! – мстительно сообщил Эшу – но ответа не дождался. Засвистев сквозь зубы, Эшу выбрался из лодки и уселся на её борту, спустив в воду босые ноги. Из глубины чёрного моря побежали светящиеся пузырьки. Огромная луна висела над крышами города, заливая их снятым молоком. Небо на востоке ещё не светлело, и море сливалось с небом, отражая затейливые цепочки созвездий. Глядя на них, Эшу улыбнулся. Стянул майку, собираясь искупаться, – но по воде до него донёсся чуть слышный бой атабаке⁵. Эшу замер, вслушиваясь в рокошущий ритм. С его лица исчезла улыбка. Медленно-медленно, словно ожидая выстрела в спину, он обернулся.

Большой «БМВ» остановился возле входа на пляж. Открылась дверца. Из машины не спеша вышла женщина в белом льняном платье с лиловым поясом. Поля большой шляпы скрывали её лицо.

– Ларойе, Эшу Элегба! – негромко позвала она. – Аго, ларойе...

---

¹ Макумбейрос – служители кандомбле (макумбы). Кандомбле – афробразильская религия, корни которой – в мифологии западноафриканских народностей йоруба, наго и других. Макумба – богослужение. Обряд, во время которого ориша спускаются к людям и воплощаются в Дочерях Святых, входящих в транс.

² Ориша – «святые», божества кандомбле. Олицетворяют различные явления природы, виды деятельности людей и духовные сущности.

³ Эшу – мужское божество-трикстер, хозяин замков, дорог и перекрёстков, покровитель детей. Классический «возмутитель спокойствия».

⁴ Эва (Эва) – женское божество пограничных состояний, превращений, любых трансформаций. Считается покровительницей творческих профессий.

⁵ Атабаке – большой барабан

Некоторое время было тихо. Затем из темноты послышалось шуршание песка. Эшу не спеша шёл по пустой набережной, засунув руки в карманы рваных джинсов. Майки он так и не надел.

– В чём дело, тётушка? – нахально уставившись на даму, спросил он.

– Не смей так называть меня, – холодно отозвалась Нана Буруку⁶. Эшу широко ухмыльнулся, по-мальчишески откинулся назад всем телом, засвистел.

– Моя Эва с тобой?

– Она спит.

– Нашла с кем спутаться, шлюшка... – пробормотала сквозь зубы донна Нана, вытаскивая из пачки сигарету. Эшу, щёлкнув зажигалкой, поднёс ей огня. Почти вежливо попросил:

– Не смей оскорблять мою сестру.

– Твою – кого?.. Ты соображаешь, что говоришь, мой мальчик? – зажав в губах сигарету, осведомилась Нана. Эшу молча, без улыбки смотрел на неё. Лунный свет бился в его сощуренных глазах.

– У нас с Эвиньей нет общей крови.

– Кому, как не мне, это знать! – усмехнулась Нана. – Но ты назвал её сейчас сестрой! Сестрой! – после того, как вы две недели разбрасывали по ночам песок на пляже! Что творится у тебя в голове, малыш?

– Моя голова – не твоя забота, тётушка.

– Любая голова – это забота Нана Буруку. – Насмешливая нотка в голосе женщины была едва слышна. – Ты помнишь, что я создала все головы на свете? И нет ори⁷, закрытого от меня?

Ответа не последовало. Нана медленно пошла по пустой набережной, и Эшу, помедлив, тронулся следом. Их тени скрестились в лунном свете на баиянской мостовой.

– Что тебе на самом деле нужно от моей дочери, малыш? Я ведь не дура и многое могу понять. Моя Эва оказалась рядом с тобой... не в самый лучший твой день, верно? Ты не смог держаться с ней как мужчина. Ты вывалил в её колени всё своё дерьмо пополам с соплями... фу! Моя дурочка дочь, впрочем, приняла это всё за чистую монету – ну что ж, она ещё очень молода. И только поэтому...

Сигарета вдруг выпала из пальцев Нана. Тонкий каблук её туфли застрял в щели между камнями и сломался. Взмахнув руками, женщина упала на асфальт. Сумочка Нана отлетела в сторону, и Эшу, наклонившись, небрежно поднял её. Он не протянул руки, чтобы помочь женщине встать. Его улыбка превратилась в оскал. Нана попыталась было вскочить – но камень под её рукой подвернулся, и она снова упала навзничь.

– Уважай меня, Нана Буруку, – тяжёлым от бешенства голосом сказал Эшу. – Я – ориша. Я – Эшу Элегба. Что-что, а изгадить тебе жизнь я смогу. И сделаю это с таким удовольствием!..

– Только это... Только это ты и можешь, щенок! – пробормотала Нана. – Хорошо, успокойся... Успокойся. Дьявол с тобой! Я хочу подняться.

Эшу сунул в рот сигарету из пачки Нана, зажгёт её. Глубоко затянулся, наблюдая за тем, как женщина встаёт на ноги и с проклятиями осматривает сломанный каблук и перепачканное платье. Затем Нана Буруку огляделась вокруг.

Знакомой баиянской набережной больше не было. Не было тёмных силуэтов пальм, полосы пляжа, луны, города на холмах. И даже невидимое море не вздыхало неподалёку. Мостовая под ногами, правда, осталась та же – но теперь она разбегалась во все стороны десяток дорог. Дороги уходили в темноту, терялись в тумане.

– К чему это всё, малыш? – спокойно спросила Нана Буруку.

---

⁶ Нана Буруку – древнейшая ориша, божество разума и знания. Согласно мифологии, владеет глиной и водой, из которых были сотворены первые люди.

⁷ Ори – сознание и подсознание, внутренняя жизнь человека в кандомбле

– Ты никогда не выйдешь из моих перекрёстков, если я тебя не выпущу. Не ссорься с Эшу. Выбирай выражения, когда говоришь со мной... тётушка. И – береги себя. Я ведь ещё не мстил тебе. За то, что ты сделала с моей сестрой, моей матерью, братьями. И со мной.

Нана смотрела на него в упор. В её тёмных и холодных глазах не было страха.

– Малыш, дело вовсе не во мне, – почти мягко сказала она. – Я знаю твою силу. И уважаю её. Но мстить мне за собственные косяки очень глупо, согласишься. Ты в самом деле считаешь, что ни в чём не был виноват?

Эшу молчал. На лице его лежала тень.

– Я не отбираю у тебя Эву. Как бы ни сложилась её жизнь, ко мне дочь уже не придёт. Ей-богу, Жананину не нужно учить, как сманивать моих детей! Но и к тебе Эва не вернётся тоже.

– Не тебе это решать.

– Малыш, женщина не должна видеть позора своего мужчины. Ты же всё понимаешь сам. Иначе не назвал бы Эвинью сестрой. Она видела и слышала от тебя то, чего не должна была видеть и слышать. По крайней мере, если ты рассчитывал на её любовь. И уважение.

– Я – её мужчина, и останусь им! – хрипло, с угрозой сказал Эшу.

Нана негромко рассмеялась.

– Эшу, мальчик... Если бы ты не был подкидышем, я сказала бы, что ты – копия моя дура-сестра! Верни нас на пляж – и ты увидишь: наступит утро, и Эва даже не вспомнит о тебе. Через несколько часов у неё самолёт в Сан-Паулу. Она возвращается в университет. К тем делам, о которых всегда мечтала. К своим рисункам, к своим занятиям, к своим «чудесам». Видит бог, я никогда не могла этого понять, но... ничего другого моей дочери не нужно! Ни один мужчина не заменит ей всей этой чепухи. Не заменят даже деньги. И уж тем более не заменишь ты. Что ты можешь ей дать? Что – кроме того, что растёт между ног у любого жеребца?.. Вы славно позабавились этим летом, ты слегка раскрасил её каникулы... Кстати, спасибо за то, что избавил Эву от девственности. Уж что-что, а такое ты умеешь. Но на этом – всё. И не скажу, что мне очень жаль.

– Ты не можешь этого знать, – глядя в землю, сказал Эшу. Улыбка Нана стала почти сожалеющей.

– Идём, малыш, – сказала она. И закрыла глаза.

Через мгновение они снова были на набережной. Луна побледнела, небо стало перламутровым, и над крышами города уже расходилось сияние. Море лежало ровное, гладкое, как зеркало. Над ним кричали чайки. Со стороны порта послышался пронзительный гудок буксира. Нана присела на влажный от росы парапет. Эшу, стоя рядом, напряжённо смотрел в её лицо.

– Ты глядишь не туда, – не открывая глаз, сказала Нана. – Сейчас проснётся Эва.

Эшу повернулся. Лодка у кромки волн была вся залита золотисто-розовым светом. Растрёпанная, вся в свалывшихся кудряшках голова девушки поднялась из неё. Потягиваясь, Эва села на дне лодки, сонно огляделась. Вполголоса позвала:

– Эшу... Эшу!

Никто не отозвался. Эва подождала немного. Затем улыбнулась, пожала плечами. Потянулась за своим рюкзаком, достала из него слегка помятый блокнот и огрызок карандаша. Пристроив блокнот на колене, принялась набрасывать облака над морем и голубой парус рыбацкой лодки, идущей с Итапарики. Она работала сосредоточенно, увлекаясь с каждой минутой всё больше, терпеливо отбрасывая за спину спутанные волосы. Эшу не сводил с неё глаз. Его коричневое, некрасивое, большеротое лицо не выражало ничего.

Закончив рисунок, Эва некоторое время рассматривала то, что получилось. Затем убрала блокнот с карандашом в рюкзак, закинула его на плечо, сунула ноги в шлёпанцы и не спеша пошла к выходу с пляжа. Вскоре её кудряшки и белое платье мелькали уже на Авенида Океаника. Она не оглянулась.

– Вот и всё, малыш, – негромко сказала Нана. – Через два часа Эвинья будет в аэропорту. О тебе она даже не вспомнит. Оставь в покое мою дочь – и я обещаю взамен не трогать Йеманжу⁸. И всю вашу семейку.

– Ты не тронешь больше мать? – глядя в светлеющее небо, спросил Эшу. – И братьев? Твоё слово, Нана Буруку?

– Да, моё слово, – медленно сказала Нана. – Мало чести мне играть с вашей бандой вырождков. Это иногда забавно, не скрою, – но выгоды ни-ка-кой! Я больше не встану на пути Йеманжи. И хочу, чтобы вы не лезли в мои дела. Особенно твой старший брат Огун⁹.

– С Огуном я ничего не смогу поделаться, – усмехнулся Эшу. – Но за Эвинью больше не беспокойся. Ты предложила выгодную сделку. Мне это подходит. Всегда к твоим услугам, тётушка!

Он приложил два пальца к бейсболке, улыбнулся и, глубоко засунув руки в карманы, зашагал прочь.

Оставшись одна, донна Нана удовлетворённо улыбнулась и пошла к машине. Оказавшись в двух шагах от своего БМВ, она сунула руку в сумочку, ища ключи... и вдруг растерянно выругалась.

Сумка оказалась пуста. Ни ключей от машины, ни кредитных карточек, ни внушительной пачки наличных, ни мобильного телефона в ней не было. Лишь сложенный носовой платок издевательски показывал белый уголок из атласного кармашка.

– Эшу, сукин сын! – завопила Нана Буруку, швыряя сумочку наземь. В ответ ей послышался тихий и весёлый смех. Но набережная была безлюдна.

Эшу, сунув руки в карманы и методично поддавая мыском шлёпанца кусок старой кокосовой скорлупы, шагал по Верхнему городу. Узкие улочки уже просыпались. Распахивались ставни домов, шуршали шины автомобилей и мотоциклов, слышались голоса торговцев фруктами. Уже открылись несколько уличных кафе, и в воздухе пахло кофе. Мимо Эшу пробежала стайка смеющихся девушек в пляжных платьях, пролетел мотороллер, осёдланный толстой негритянкой с корзиной рыбы на багажнике, проехал, громяхая, грузовичок. Возле сигаретного киоска заспанный мулат мыл мостовую из шланга: несколько холодных капель упало на лицо Эшу. Лёгкий ветерок приподнимал листья пальм. По ясному, словно тоже вымытому небу неслась кружевная вереница облаков. Летнее солнце заливало желтые, розовые и фисташковые стены старых домов. Со стороны церкви Розарио-дос-Претос раздавался перезвон колоколов.

Внезапно Эшу остановился. Прислушался. Приподнял брови. Из голубого дома в конце улицы отчётливо доносились женские вопли. Покачав головой, Эшу ускорил шаг.

Крики приближались. Они неслись из окон второго этажа над магазинчиком «Мать Всех Вод». Внизу, прислонившись к стене, стоял и дымил сигаретой Ошосси¹⁰ – высокий мулат цвета кофе с молоком, красивый, как порномодель. Вся поза Ошосси выражала безразличие. Длинные дреды падали ему на лицо.

– Почему мать кричит? – подойдя, спросил Эшу. – Весь квартал подняла!

– Это ты? – лениво спросил Ошосси, подняв голову. – Лучше не суйся пока наверх. Слышишь, как Шанго¹¹ достаётся?

– Что стряслось?

– Как обычно. Ночью приезжали легавые, что-то искали...

– Нашли?

---

⁸ Йеманжа (Жанаина) – божество моря, олицетворение женского и материнского начала в кандомбле.

⁹ Огун – сын Йеманжи, мужское божество войны и металла.

¹⁰ Ошосси – мужское божество охоты, преследования, тайных лесных мест. Приёмный сын Йеманжи.

¹¹ Шанго – сын Йеманжи, божество грома и молний, а также возмездия и справедливости, мужской сексуальной энергии.

– Нет, конечно. Но перебудили всю округу и напугали мать. Пора бы им привыкнуть, что Шанго ничего не держит здесь, – так нет...

Женские вопли тем временем набирали обороты.

– Убирайся к чёртовой матери из дома, паршивец! И не смей оставлять деньги: я знаю, откуда они у тебя! Почему тебя всё время ищет полиция?! У меня бизнес, туристы, магазин! Сюда приходят люди – и что они видят? Что они видят, отвечай?! Полицейскую машину у дверей и твою бандитскую морду! За какие грехи мне только послали такого сына! Уйди с глаз, пока я тебя не убила своими руками! И если ещё хоть раз ко мне приедут искать тебя, или оружие, или маконью, или... Пошёл вон, бессовестный! И чтобы духу твоего здесь больше не было! Сил моих нет! И никаких больше денег от тебя! Ни реала! Для панели я уже стара – значит, просто издохну с голоду!!!

Грохот, звон, отчаянная мужская ругань – и из дверей на мостовую вылетел Шанго: двухметровый чёрный гигант в порванной на плече футболке с красно-белым изображением Че Гевары. Вслед ему вынеслось истошное проклятье, вихрь смятых банкнот и голубой шлёпанец. Деньги разлетелись по мостовой. Шлёпанец просвистел над головой Шанго и был пойман взметнувшейся рукой Эшу. Взвесив тапочек в руке, Эшу воззрился на старшего брата с вежливым недоумением:

– Что такое, дорогой мой? Уроки не сделал?

В ответ раздался яростный рык. Огромный кулак рассёк воздух в миллиметре от носа Эшу – но тот привычной эшкивой¹² ушёл от удара, расхохотался и присел на корточки, чтобы собрать разлетевшиеся деньги. Шанго, тяжело дыша, шлёпнулся рядом на тротуар и зашарил руками по карманам в поисках сигарет.

Ошосси, подойдя, протянул брату пачку «Seleta».

– Ты зачем сюда явился? – с нескрываемым удивлением спросил он. – Ты же знал, что ночью были легавые!

– Ну-у... узнать, как дела.

– За этим мог бы мне позвонить.

Шанго только что-то проворчал сквозь зубы.

– Поезжай в Бротас¹³ и сиди тихо пару дней, – посоветовал Эшу. – Мать скоро отойдёт. Каждый раз ведь одно и то же!

– Скоро? – хмыкнул Ошосси. – В прошлый раз она два месяца слышать о нём не хотела! Если бы не приехала Эвинья и не уболтала её...

– Ты тоже хорош! – огрызнулся Шанго. – Что это за гринга?

– Гринга?..

– А, так ты ещё не знаешь, красавчик?! Она явилась вчера прямо в магазин к матери! И вопила на весь квартал, что ты разбил ей сердце, сделал ребёнка и спёр пятьсот долл...

– Что-о?! – взвился Ошосси. – Пятьсот?! Мой тариф – двести, и не больше! Если гринга красивая – то сто! А эта, между прочим, могла бы заплатить и триста с её отвисшей задницей! Вот зараза... подумать только... Никакой благодарности! Вот и работай по совести после такого!

– Откуда твои шлюхи знают, где ты живёшь?

– Думаешь, я им визитки оставляю? Понятия не имею, как она дозналась! Может, в отеле рассказали... Больше не придёт, не беспокойся!

– Не беспокоиться? Мать завелась на весь день, а отвечать пришлось мне!

– То есть, легавые из-за меня приезжали?..

Шанго в ответ выругался, швырнул окурочек на тротуар. Искоса взглянул на Эшу.

---

¹² Эшкива – защитный приём в капозэйра; отклонение корпуса и головы с линии атаки

¹³ Бротас – криминальный район Баии

– Слушай, малыш, потолкуй с мамой! Тебя она послушает. Мне она даже рта открыть не дала! Я знать не знаю, что хочет полиция: это вообще не мои дела! И Амаралина¹⁴ – не моя территория! Меня там даже не было той ночью! Скажи ей это всё!

– Что мне за это будет? – вкрадчиво осведомился Эшу.

– Не борзей, сопляк! – обозлился Шанго.

– Ну и разбирайся сам! – Эшу увлечённо подкидывал на ладони голубой шлёпанец. – Давай, поднимись к матери, отнеси ей тапку... А то, может, ещё не все соседи услышали, как мама тебя любит!

Шанго поднялся. Выражение его грубо вырубленной физиономии цвета горького шоколада не предвещало ничего хорошего, и Ошосси словно случайно опустил руку ему на плечо. Эшу же продолжал как ни в чём не бывало забавляться со шлёпанцем.

– Ладно, чего ты хочешь? – буркнул Шанго, прислоняясь к стене.

– Вот так бы сразу! – Шлёпанец взлетел высоко в воздух, приземлился на макушку Ошосси, срикошетил в плечо Шанго и снова оказался в руках Эшу. – Хочу ту мулатку, Андрецу, из Ресифи! Твою новенькую!

– Андрецу?! – вскинулся Шанго. – Ты свихнулся? Андреца стоит пять сотен! Эта малышка – для понимающих клиентов! Она такое умеет, что тебе незачем и знать! Чёрта с два, не получишь!

В ответ Эшу торжественно вручил брату шлёпанец и красноречиво кивнул на открытое окно второго этажа.

– Ну, хорошо. Ладно. Чёрт с тобой, – сдался Шанго. – Но не сегодня: Андреца занята. Подходи завтра к вечеру в Бротас, я позвоню.

– Договорились, – Эшу прыжком вскочил на ноги. – Всё, я пошёл к маме.

– Деньги ей отдай, – проворчал Шанго, засовывая в карман брата смятую пачку банкнот. – За аренду платить в пятницу.

– Не беспокойся, – раздалось уже из-за двери.

– Чёрт знает что... – Шанго сердито разглядывал порванную футболку.

– Эшу её уломает, – уверенно сказал Ошосси. – Если не он, то вообще никто. Эвинья ведь улетает сегодня.

Шанго кивнул. Вынул из кармана ключи от машины и, крутя их на пальце, направился к огромному джипу, запаркованному в двух шагах.

– Куда тебе ехать? В Барракиню? Залезай.

Ошосси уже открыл переднюю дверцу, когда Шанго спросил:

– Как у тебя с моей Йанса¹⁵?

Ошосси замер. Очень медленно, глядя на облака над крышами, спросил:

– Что тебе до Йанса?

– Ну-у... – Шанго небрежно повернул ключ зажигания, и мотор джипа зарокотал. – Йанса, как ты помнишь, моя жена. Мне хочется, чтобы у неё всё было хорошо.

– Йанса – твоя жена? А кто же тогда Ошун¹⁶?! – ошетинился Ошосси. – Может, вспомнишь ещё и Оба¹⁷?! Может, у тебя хватит смелости спросить у Огуна, хорошо ли Оба с ним?

– Хватит, – с усмешкой заверил Шанго. – Жёны Шанго всегда остаются его жёнами. Даже если развлекаются с другими. Не забывай этого, брат. Так ты едешь, или нет?

---

¹⁴ Амаралина – пляжный район Баии, примыкающий к порту.

¹⁵ Йанса – женское божество ветров, хозяйка царства мёртвых, «воительница». Одна из жён Шанго.

¹⁶ Ошун – женское божество любви, молодости и красоты, хозяйка пресных вод и рек. Одна из жён Шанго.

¹⁷ Оба – ориша «неспокойной воды», олицетворение мужского начала в женщинах, женской физической силы. Одна из жён Шанго.

Ответом послужил удар двери, от которого затрясся джип. Шанго широко ухмыльнулся, показав белые, крупные зубы. В боковом зеркале он увидел серое от бешенства лицо Ошосси и, расхохотавшись, сорвал машину с места.

Для туристов было ещё слишком рано, и в сувенирном магазинчике «Мать Всех Вод» царилла пустота и прохлада. Пахло кофе и сигаретами. Допотопный телефон с треснувшим диском молчал. В витринах теснились статуэтки ориша. На беленых стенах висели догонские и геледские маски, ритуальное оружие, дешёвые акварели с видами Баии в рамках из ракушек. У дверей, встречая посетителей, стоял гипсовый Ошала¹⁸ в белых одеждах. Эшу, проходя мимо, скорчил Отцу всех ориша страшную рожу. Миновав статуэтку Огуна с поднятым мечом, вежливо приложил два пальца к бейсболке. Заметив рядом воительницу Йанса, серьёзно поклонился. С улыбкой помахал рукой печальной Оба и сделал неприличный жест в сторону Шанго. Повертевшись среди витрин с картинками, илеке¹⁹, бусами и связками амулетов, заметил, наконец, то, что искал: небольшую статуэтку ориша Эуа – тоненькую девушку-мулатку в розово-белом платье, с мечтательной улыбкой на губах. Эшу долго стоял рядом с ней. Затем нежно, едва касаясь, провёл пальцем по шоколадной спине Эуа. Усмехнулся. И, не оглядываясь больше, прошёл мимо – к лестнице, ведущей на второй этаж.

Наверху было тихо. Аромат кофе усилился, к нему примешался лёгкий дух фасолевых акараже²⁰. Эшу уверенно тронулся прямо на запах. Остановился в дверях кухни.

Мать в старой ночной рубашке, с кое-как прихваченными гребнем волосами, варила кофе. Утро, входя в раскрытое окно, обдавало фигуру Жанаины золотистым светом. На старой чугунной сковороде шипело и пузырилось пальмовое масло.

– Это ты, малыш? – не оборачиваясь, спросила она. – Садись завтракать.

Эшу улыбнулся. Подойдя, поцеловал мать в щёку, сел за стол, взял протянутую ему чашку кофе.

– Где тебя носило? – спросила Жанаина, перебрасывая горячие акараже в керамическую миску. – Что же это такое, опять подгорели... И как это у нашей Оба получается?.. Теперь вот только выбросить!

– Ещё чего! – возмутился Эшу. – Дай сюда все, я съем!

Умяв шесть штук пирожков подряд, он облегчённо откинулся на стену, допил кофе и с довольной улыбкой взглянул на мать. Та, стоя у окна, курила, смотрела на просыпающийся квартал. Затем притушила сигарету о стену и сунула окурочек за ухо.

– Сколько раз я тебе говорил так не делать! – сурово сказал Эшу, вставая и забирая у матери сигарету. – Кто тебя вообще этому научил?!. Ты их хоть гаси до конца! Когда-нибудь спалишь и волосы, и уши!

– И слава богу! – в сердцах отозвалась Жанаина. – Хотя бы нечем будет слушать сплетни о моих сыновьях! Куда уехал Шанго?

– К Ошун, конечно, – осторожно ответил Эшу. – Куда же ещё? Ты зря беспокоишься, мам: в Амаралине – это не его работа, точно. Шанго всю ту ночь был у себя в Бротасе с Ошун! Позвони ей: она подтвердит...

– Святая дева! Эта девочка подтвердит всё, что Шанго ей скажет! – Жанаина сердито взмахнула кружкой, и кофейная гуца плеснула на пол. – Как только меня угораздило нарожать столько бандитов!

– Ну-у, мам, ничего подобного... Легавым лишь бы кого скрутить, разве они будут разбираться? Если бы Шанго напортачил в Амаралине, он бы смылся из города, а так... Ну, сама

---

¹⁸ Ошала (Обатала) – старейшее божество кандомбле, согласно мифологии – отец всех ориша, олицетворение мудрости, морали и доброты.

¹⁹ Илеке – амулет кандомбле, обозначающий принадлежность к культуре определённого ориша.

²⁰ Акараже – пирожки или пончики из фасоли, жаренные в масле

подумай! С чего бы ему тогда наутро являться к тебе? Чтобы схлопотать тапком по заднице? Вот уж радость-то... Особенно когда не виноват...

– Кто не виноват – Шанго?! – снова вскипела Жанаина. – Да от него только отвернись!.. И от вас всех тоже! Почему какие-то белые девушки постоянно ищут здесь Ошосси? Что я должна им говорить – что мой сын потаскун? И что у меня уже наверняка сотни три внуков в Америке? И в Европе столько же? Неужели там не осталось подходящих мужчин? Неужели мой Ошосси один должен работать за весь земной шар?! Кстати, почему мне рассказали, что он болтается по порту с маконьей²¹?

– Брехня! – абсолютно искренне сказал Эшу. – Он знает, что Огун его убьёт. Никакой маконьи, мам. И уже давно. Если что, я бы знал.

– Ты? Почему тебя два дня держали в участке?!

– Поду-умать только! – закатил глаза Эшу. – Меня? В участке? И ты этому поверила? И вот эта женщина – моя мать!

– Где Эвинья?

– У Марэ, где же ещё! Собирает вещи! Сегодня улетает! Позвони, она тебе скажет, что я был с ней все эти дни! С ней – а не в участке!

– Я с ума с вами сойду, вот что! – Жанаина швырнула пустую кружку в раковину, села за стол и запустила обе руки в растрёпанные волосы. – Когда это всё кончится? Что мне – пить таблетки от нервов, как гринги? Или вообще пойти к врачу? Кто успокоит мою старость?!

– Марэ, конечно! – пожал плечами Эшу. – Он из нас всех самый приличный! Он зарабатывает, его рвут на части издательства, он окончил университет, у него куча денег... Да, кроме него, Обалу, Огун и... и Эвинья же ещё! Тебе мало, женщина?! У тебя четверо умников на трёх засранцев! Ты же в шикарном плюсе, мам! Все соседи тебе завидуют! У них-то выросла одна шпана!

Жанаина, не выдержав, расхохоталась. Эшу тоже усмехнулся. Сел на пол у ног матери, положив голову ей на колени.

– Хочу спать...

– Так ложись, малыш. И спи спокойно до вечера. – Жанаина погладила курчавую голову сына. – Ты весь в песке. Зачем опять ночевал на пляже? Не мог дойти до дома?

– Не злись на Шанго, – попросил Эшу. – Это в самом деле не его косяк, легавые ошиблись. Ничего, если он зайдёт к тебе завтра?

– Да до завтра он ещё сто раз что-нибудь натворит!

– Но ты же его уже отходила тапком в кредит! Значит, счёт будет по нулям!

Жанаина только вздохнула. Несколько минут на крохотной кухне царил тишина.

– Ты грустишь, малыш. Что у тебя с моей Эвиньей? Вы не поссорились? Почему не ты везёшь её в аэропорт?

– Потому что мой байк не выдержит её чемоданов! – Эшу не поднимал головы с колен матери, и голос его звучал глухо. – А у Марэ огромная тачка! Не беспокойся, мам. Я приеду прямо к самолёту, мы с Эвой простимся. Взять тебя с собой?

– Куда? На твой мотоцикл?! Мои годы уже не те! – Жанаина помолчала. – Не переживай. Эвинья вернётся на каникулы. Ей надо учиться: она такая же, как Марэ. Она жить не может без всего этого. Но это не значит, что...

– Конечно, мам. Ничего это не значит. Я пойду посплю, хорошо? – Эшу поднялся на ноги. Жанаина продолжала пристально, чуть тревожно смотреть на него снизу вверх. Эшу терпеть не мог этот взгляд матери.

Снизу донёсся спасительный перезвон дверного колокольчика, английская речь.

---

²¹ Маконья – марихуана

– Слышишь? Вон твои любимые грингос! – пряча облегчение, усмехнулся Эшу. – Спустись, продай им всех наших святых. А я пойду спать. Благослови меня, Йеманжа, звезда моря, любовь моя! – запел он, и Жанаина только махнула рукой. И, как была в ночной рубашке, не спеша пошла к лестнице.

Оставшись один, Эшу вытащил из кармана деньги старшего брата и бросил их на кухонный стол. Затем достал содержимое сумочки Нана Буруку: пачку американских долларов в банковской упаковке, ключи от машины, кредитные карточки, золотое кольцо, телефон и медную цепь опеле²². Кольцо, кредитки и ключи Эшу сунул обратно в карман. Из телефона вытащил сим-карту, выбросил её в окно. Деньги, освободив от обёртки и взяв себе две купюры, прибавил к тем, что дал Шанго. Взял в руки цепь с восемью прикрепленными к ней половинками ореховых скорлупок, покачал её на пальце.

– Опеле Нана Буруку, – медленно сказал он. Усмехнулся. Подумав, сунул цепь в задний карман и ушёл в спальню. Через пять минут Эшу уже лежал ничком на незастеленной кровати матери, и узкие солнечные лучи, пробиваясь сквозь закрытые жалюзи, полосовали его спину. Но Эшу этого не чувствовал: он спал.

Штат Пернамбуку, фазенда Дос-Палмас, 1661 год.

Барабаны гремели. Глухой рокот пронизывал ночь. Лунный свет входил в окно сияющим столбом, просеиваясь сквозь москитную занавеску. Дон Луис Фернандо Гимараэш да Силва, владелец фазенды Дос-Палмас, морщился и вертелся во сне, стараясь скрыться от назойливого луча. Но луна была беспощадна. В конце концов Луис чихнул, выругался и открыл глаза.

Что-то было не так: он сразу понял это. Что-то не так с этой душевной ночью, с этим безумным рокотанием в голове, с лунным столбом – и с пустотой рядом. Половина кровати была пуста. Мечи не было!

Луис вскочил, сорвав москитный полог. Голубовато-белая от луны стена спальни качнулась перед глазами, и большое распятие на ней, казалось, вот-вот сорвётся. В спальне не было мебели, кроме огромной кровати, и спрятаться здесь было попросту некуда.

– Меча! – почти жалобно позвал Луис. Тут же устыдившись этого тона, окликнул привычно – властно и жёстко, – Меча!

В ответ – ни звука. Барабаны били всё сильнее, и, наконец, Луис понял, что мучило его ещё сильнее, чем внезапное, ничем не объяснимое исчезновение Мечи. Барабаны не должны были стучать этой ночью!

Когда-то на фазенде Дос-Палмас негритянские погремушки вообще были запрещены. На этом настояла мать дона Луиса. Набожная и благочестивая дона Мария Розалва Гимараэш да Силва жёстко пресекала все танцы, обряды и служения среди чёрных рабов. Язычество нужно было выбивать и выжигать из негров, считала она, ради их же собственного блага! Все рабы семьи Гимараэш были, благодаря усилиям этой святой сеньоры, крещены – и по воскресеньям даже допускались к кресту Господню. Им читались и растолковывались псалмы и Евангелие! В хижинах висели дешёвые распятия и стояли изображения Мадонны и святых! Дона Мария не намерена была губить свою душу поощрениями дикарских обрядов, которые почему-то упорно не вытравлялись из чёрных голов.

Её супруг, дон Карлос Гимараэш да Силва, не считал нужным тратить время на богоугодные дела. Это был жестокий, сильный и смелый человек, который прибыл на землю Пернамбуку с первыми португальскими переселенцами. Всю жизнь дон Карлос защищал свои акры сахарного тростника, дом и семью то от индейцев, то от голландцев, то от тех и других вместе – когда мерзавец Вандербург объединился с северными племенами против португальцев.

---

²² Опеле – цепь с восемью раковинами бузиос (каури), используемая для гадания Ифа. В Африке каури часто заменяются половинками скорлупы ореха опеле, отсюда название

Вместе с капитаном Альбукерки португальцы-плантаторы вели партизанскую войну, вытесняя из сердца Пернамбуку проклятую Вест-Индскую компанию. Они сражались за Порту-Калву, и дон Карлос своими глазами видел, как вздёрнули изменника Домингоса Калабара (а чего ещё было ждать от мулата?), как горели склады голландского сахара, как падали под пулями предатели-индейцы. Понадобилось несколько лет упорной партизанщины, чтобы оттеснить голландцев на побережье – подальше от тростниковых плантаций. В этой войне прошла вся жизнь дон Карлоса. Тридцать лет он не раздевался по ночам и каждый вечер клал рядом с постелью заряженные пистолеты. Негры были для него имуществом, которое следовало защищать наравне с домом и землёй. Стремление супруги вселить в чёрные сердца благочестие приводила бесстрашного фазендейро в недоумение. Право же, смешно делать из рабочей скотины добропорядочных христиан! Никто ведь не подводит ко кресту коров и лошадей! Никто не крестит в купели собак или кошек! Ну так и чёрных стоит оставить в покое – из них всё равно не выйдет людей. Это всё равно что учить Евангелию мартышек: и бессмысленно, и богохульно. К тому же рабы мрут на плантациях, как мухи! Не успеешь окрестить какого-нибудь Самбо, – а он, глядишь, и подох, не окупив даже потраченных на него денег! Мулы – и те работают дольше! Так к чему же тратить святую воду на негров, которые созданы Господом для работы – и более ни для чего?

Дону Марию приводило в отчаяние легкомыслие супруга. Разумеется, черномазых нельзя ставить на одну доску с человеком – кто с этим поспорит? Но они же умеют говорить! Они могут мыслить и понимать слова – значит, являются существами разумными! Дона Мария даже допускала существование у рабов души, – и, следовательно, чувствовала себя ответственной за их спасение. Рабы фазенды Дос-Палмас не должны были после смерти попасть в ад, нет! Дона Мария была женщиной сильного характера – под стать мужу. Дети и прислуга боялись её как огня. Сеньора Гимараэш поклялась остаток своей жизни положить на искоренение негритянских верований. Дон Карлос по-своему любил жену и позволил ей делать всё, что угодно. Главное, чтобы супруга не вздумала заботиться об его собственной душе – а с черномазыми пусть забавляется как знает...

Доной Марией были приняты самые жёсткие меры. Песни и танцы в хижинах рабов были запрещены. Напрасно чёрные работники, тараща глаза и прижимая руки к груди, объясняли, что в барабанном бое нет ничего дурного и что *сеу*²³ Христу, возможно, барабаны даже понравятся! Напрасно они клялись, что танцы – это просто танцы, а не служение чудовищным идолам, нет-нет, как можно, *сиа*²⁴ Мария, ведь мы же крещёные и любим белого бога! Барабаны и погремушки были безжалостно сожжены. Та же судьба постигла грубо сделанных из жирной речной глины идолов, имена которых дон Мария даже не решалась произнести, чтобы не осквернить свой язык. Было объявлено, что виновных в проведении безбожных обрядов ждёт мучительное наказание.

Дона Мария была крепка в своём слове: по спинам рабов гуляли плети, ежедневно на палящем солнце, привязанные к столбам, мучились по несколько человек, решившихся скрыть в своих хижинах изображение африканских божков. Но полностью искоренить ересь доне Марии удалось лишь после того, как трое рабов умерли после жестоких истязаний. Их застали за вонесением почестей отвратительному идолу по имени Огун. С этим именем на губах, с исхлётанными спинами и раздутыми от солнечного жара головами они и умерли, привязанные к столбам, – тупые, неблагодарные твари... Дон Карлос, потерявший разом трёх сильных и здоровых работников, был весьма недоволен, но супруга оказалась полностью удовлетворена. Она исполнила свой долг перед Мадонной, да святится имя Её!

²³ Сеу – сокращение от «сеньор»

²⁴ Сиа – сокращение от «сеньора»

С того дня на фазенде не слышалось больше ни барабанов, ни песен. Рабы молча работали от рассвета до заката и молча валились спать по ночам. Изредка дона Мария появлялась в хижинах и пыталась заставить негров петь те псалмы, которым она их учила. Но вскоре она убедилась, что черномазые болваны тупы до отвращения: они не способны запомнить даже нескольких слов Святой молитвы и повторить божественную мелодию! Вероятно, её супруг был прав: рабочий скот нельзя научить ничему человеческому...

Когда родился крошечный Луис, сеньоре Гимараэш было уже за сорок и молоко уже не приливалось к её груди. В доме появилась Долорес – чёрная кормилица-нянька. Дона Мария долго сомневалась: можно ли приложить белого младенца к груди чёрной рабыни? Сомнения её разрешил супруг:

«Дорогая, вы же пьёте молоко коров? Чем хуже негритянское? То же самое, я думаю! Вряд ли оно навредит младенцу... да ещё такому крепкому, как наш Луис!»

Дона Мария скрепя сердце положила на мужской разум – и поручила младенца кормилице. Собственный ребёнок Долорес, чёрненькая девочка, была отдана в хижины, и всё молоко доставалось крошечному хозяину фазенды. Долорес, казалось, восприняла разлуку с дочерью как должное, не проронив ни слезинки и заставив хозяйку в очередной раз задуматься: есть ли душа у этих животных, которые не плачут, даже расставшись с детёнышами? Может быть, все эти годы она сражалась за пустоту?

Шли годы. Продолжалась война, индейские набеги, нападения голландцев, мятежи рабов, наводнения, ураганы, жёлтая лихорадка. Отчаянно росли цены на негров: голландские галеоны патрулировали воды побережья, перехватывая португальские корабли с «чёрным деревом». Трудно было вывозить сахар. В джунглях росли киломбуш – поселения беглых рабов, от которых тоже было немало неприятностей. Но дон Карлос умел защищать свою землю. Двое его старших сыновей погибли во время ночного налёта чёрных тварей – но захватить фазенду бывшим невольникам не удалось: они отступили в джунгли. Малыш Луис рос среди выстрелов, запаха пороха и плавящегося в пожарах сахара, воплей и проклятий рабов, пушечных залпов. Долорес носилась за маленьким господином по комнатам дома, гуляла с ним по берегу реки, учила молитвам. Чёрная нянька всегда была добра к нему, но Луис её не любил: мальчика пугал холодный проблеск белков в глазах Долорес и её плотно сжатые, никогда не улыбающиеся губы.

Долорес была очень умна: это вынуждена была признать даже дона Мария, научившая негритянку читать, производить четыре арифметических действия и петь псалмы. На Долорес держался весь дом, она могла заменить дону Марию и на кухне, и в прачечной, и в детской. Чёрные служанки боялись её больше, чем хозяйку. Все службы в домашней часовне Долорес выстаивала за спиной сеньоры, держа её чётки и молитвенник. Она хорошо и правильно говорила по-португальски. И лишь однажды, проснувшись среди ночи, десятилетний Луис услышал из уст своей няньки другой язык и другие слова.

Он тогда тяжело выздоравливал после ужасной лихорадки, чуть не утянувшей его в могилу. Долорес не отходила от постели молодого сеньора, обтирая его душистой водой, давая лекарства, переворачивая с боку на бок и творя молитвы Иисусу и Святой Деве. Что из всего этого помогло, неизвестно, – но на восьмой день болезни мальчик заснул среди влажных простыней: весь в поту, ослабевший и измученный.

Он проснулся от бьющего в лицо лунного луча и бормотания рядом с собой. Это невнятное ворчание напугало его так, что Луис сжался от ужаса в постели и с минуту безуспешно пытался убедить себя в том, что в дом пробрался енот. Но бормотание было всё же человеческим, и в конце концов юный хозяин фазенды свесил голову с постели.

Долорес спала на полу, у самой его кровати. Ничего удивительного для Луиса в этой картине не было, но глаза чёрной няньки – белые, остановившиеся, совершенно мёртвые в лунном луче, – заставили его похолодеть.

В свои десять лет Луис видел мёртвых людей не раз и ничего страшного в этом зрелище давно не находил. Но он точно знал: мертвецы не бормочут и не стонут. Их руки и ноги не дёргаются. Они не могут шевелить губами, изгибаться, ловить воздух скрюченными пальцами. Почему всё это делала Долорес, его верная Долорес, – он не понимал. И тех слов, которые со свистом и отрывистыми вздохами вырывались из её губ, Луис не понимал тоже. Это был не португальский язык – но другого Долорес, выросшая на плантации в доме фазендейро, не знала!

– Долорес... – огромным усилием поборов ужас, позвал мальчик. – Долорес!

Негритянка вдрогнула и замерла. Веки её, затрепетав, опустились. С лица исчезло выражение безумия. Теперь это было обычное, усталое лицо рано постаревшей женщины.

– Сеньор?.. – пробормотала она и села на полу. – Что угодно молодому сеньору?

– Что с тобой? – севшим от страха голосом спросил Луис, на всякий случай отодвигаясь к стене. – Что ты делала только что?

– Прошу прощения, сеньор?.. – На заспанном лице Долорес было только почтительное изумление – и более ничего. – Что угодно сеньору?

– Перестань лгать! – Луис попытался придать голосу властные и жёсткие интонации своего отца. – Не отпирайся, я видел сам! Ты лежала с закаченными глазами и бормотала заклинания!

– Святые угодники с вами, сеньор! – Долорес вскочила на ноги. Не замечая испуга мальчика, торопливо ощупала его с ног до головы, коснулась лба, заглянула в глаза. – Неужто у сеньора снова жар? Неужто вернулась лихорадка? Вы бредите, я сейчас позову сеньору!

– Не... не надо, – пробормотал Луис. Долорес так искренне расстроилась и так испугалась за него, что он уже и сам начал сомневаться: не привиделся ли ему этот кошмар в лунном свете?

– Я всё-таки позову сеньору... – колебалась Долорес. – Такие сны, как у юного сеньора, – не к добру! Пусть сеньора закажет мессу, пусть отец Мигуэль прочтёт все молитвы...

– Не-е-ет! – взмолился Луис, который терпеть не мог отца Мигуэля и его бесконечные проповеди. – Не хочу! Мне просто приснился плохой сон! Долорес, ничего не надо рассказывать! Я уже почти ничего не помню! Не тревожь попусту мать!

Долорес опустилась на колени рядом с кроватью. Луна светила ей в спину, и лицо казалось сплошным чёрным пятном. Луису на миг опять стало жутко.

– Вы же ничего не помните, сеньор, – мягко сказала негритянка. – Вы ничего и не можете помнить – ведь ничего же не было, правда? Ваша старая Долорес просто спала. Может быть, что-то бурчала во сне, но ведь и собаки ворчат, когда спят, правда?

– П-п-правда...

– Ну, так и забудьте об этом! Вы ещё нездоровы, молодой сеньор. Как сказано в Писании, «не убоюсь ночных страхов и стрелы, летящей днём!»! Аминь.

– Аминь, – повторил, как заколдованный, Луис. Долорес улыбнулась, ласковым движением заставила его лечь, чуть коснулась шершавой ладонью лица мальчика – и он уснул.

С той ночи прошло двадцать пять лет. Почему сейчас дон Луис Гимараэш вспомнил о ней? Давно нет на свете ни его отца, убитого в очередной стычке с голландцами, ни матери – благочестивой донны Марии, которую свела в могилу всё та же лихорадка. Долорес ещё жива, и на ней по-прежнему держится весь дом. Она ворчит иногда:

«Неужели сеньор так и не возьмёт в дом хозяйки? Неужели не женится? Я ведь не вечна, сеньор! Скоро старуха Долорес уйдёт в землю, и что станет с хозяйством? С вашим домом? На кого я всё брошу? На эту дуру Мечу? Ах, сеньор, ну что же здесь смешного?!»

Ничего смешного в словах старой негритянки, конечно же, не было. Просто Луис улыбался всякий раз, когда слышал имя Мечи.

Он получил Мечу и её мужа в уплату карточного долга год назад. Владелец соседней фазенды, толстый и одышливый дон Рамирес Гарсиа, играл с ним ночь напролёт в макао – а наутро вынужден был признаться, что оплатить долг ему нечем.

«Вы же сами понимаете, дон Луис, – до продажи сахара денег нет! Можете подождать до конца сезона под моё честное слово? А впрочем... Хотите взять негров? Двух? Плюс их щенок, но это уж не в счёт: он всё равно издохнет со дня на день.»

Луис справедливо возразил, что, несмотря на взлетевшие цены, на пятьсот крузейро можно купить пятерых, а не двух черномазых.

«Да вы только взгляните на них! – уговаривал дон Рамирес. – Клянусь Мадонной, они стоят гораздо больше! Я думал оставить эту пару в подарок сыну, когда он вернётся из Европы, но карточный долг – дело святое... Идёмте же, мой дорогой, взгляните на то, что я вам предлагаю!»

Луис согласился лишь из вежливости. Но старик, усмехаясь в усы, подвёл его к сараю, возле которого, привязанная за ногу к столбу, со спутанными запястьями, вся в пыли и крови, совершенно обнажённая, лежала Меча, – и он пропал.

Ей было, вероятно, не больше двадцати. Движением кнутовища дон Рамирес приказал ей подняться. Негритянка выполнила приказание, морщась от боли: она была сильно избита. Огромные, чёрные, мокрые глаза испуганно смотрели на белых людей. На рассаженных губах запеклась кровь. Всё лицо было в серой пыли и потёках слёз. Рядом с ней, раскинув руки, навзничь лежал чёрный мальчик лет четырёх.

– Эта обезьянка бешеная? – не узнавая собственного голоса, спросил Луис. Тёмные глаза негритянки, казалось, пронизали его насквозь. Дикая, сумрачная красота чёрного, как обсидиан, лица сводила с ума. – С ней будет трудно поладить?

– Отдайте её на плантацию: она сильная, как буйвол, – усмехнулся дон Рамирес. – Не смотрите, что худа: я видел, как она работает.

– Отчего же так исхлѣстана?

– Рвалась к мужу... будто ума лишилась! Он у меня тут же, в сарае сидит, и вот с ним, честно предупреждаю вас, придётся быть осторожнее. Суший ягуар!

Луис заглянул в сарай. Чёрный гигант, закованный в тяжёлые цепи с кандалами, вглянул на него из угла, мрачно блеснув белками глаз. Луису против воли стало жутковато.

– Они понимают человеческий язык?

– Да, полностью! – заверил дон Рамирес. – Их привезли сюда пять лет назад и всему выучили. Они работали у дон Секейра, а потом их перекупил я. И вот теперь, если вы согласитесь...

– Зачем мне бешеный негр на плантации? – сквозь зубы спросил Луис, уже зная, что согласится на сделку. – Я не спорю, он здоровый, сильный... вы ведь позволите зубы посмотреть? Слов нет, безупречное животное, и мускулы отличные... да-да... Золотой берег, надо полагать?

– Он самый, мой друг. По крайней мере, дон Секейра мне клялся...

– Но если эти дьяволы закусывают удила, их можно убить – но работать они не станут! Сдохнет мне назло на столбе с содранной до костей шкурой – и я окажусь в убытке!

– Ну, не мне вас учить, как дрессировать скотину! – усмехнулся дон Рамирес. – Так что же, друг мой, – берёте? Или подождёте с уплатой до урожая?

– Урожай может и не быть... – протянул Луис. – Сами видите: дожди не торопятся. Пожалуй, возьму, вы правы. Но красотке этой на плантации совсем не место!

– Хотите взять в дом? Честно говорю: она ничего не умеет! Не хотелось бы, чтобы вы думали, будто я всучиваю вам негодный товар! – заволновался дон Рамирес. – На плантации ей цены нет, а в доме будет только мешаться под ногами! Впрочем, смотря зачем берёте...

– Как её зовут? – уже не заботясь о вежливости, перебил Луис.

– Меча.

– Что ж, дон Рамирес, – будем считать, что мы договорились! Меча!

Негритянка не подняла головы, и Луису пришлось повторить уже с угрозой:

– Меча!

Она посмотрела на него в упор, и на миг ему снова стало страшно от этой невыносимой, жгучей красоты. Но почти сразу же Меча повернулась к мужу, которого в этот миг как раз выводили из сарая, и хрипло, умоляюще проинесла несколько слов на непонятном, певучем языке. Луис никогда ещё не слышал в женском голосе столько нежности. «С ума сойти! Иногда они так напоминают людей...» – мысленно поразился он. И ещё больше удивился, когда увидел, что глаза чёрного гиганта блестят так же горестно и горячо, как у Мечи: он даже, казалось, не замечал, как Луис ощупывает его мускулы и заглядывает в зубы.

– Я распоряжусь снять с тебя цепи, если будешь вести себя смирно, – предупредил его Луис. – Но если попытаешься бежать – сразу же пристрелю.

– Не беспокойтесь, сеньор, – ответил негр хриплым, низким голосом, не сводя взгляда с жены.

– Как тебя зовут?

– Жу.

Семейную пару доставили на фазенду Дос-Палмас. Мечу Луис, как и обещал, взял в дом, Жу отправил на плантацию. Они расстались как будто спокойно, без воплей и слёз, и Луис подумал: возможно, ему и не придётся калечить девочку. Он привык ломать строптивых невольниц, свято помня завет отца: негры должны чувствовать железную руку, иначе с ними сладу не будет. И, десять лет управляя своими плантациями, Луис знал, что это правда. Но уродовать такую красоту казалось кощунством.

Мечу отмыли, привели в порядок, ворчащая Долорес выдала ей простое платье из хлопка-сырца и повела к хозяину.

– Сеньор, конечно, может не слушать меня, но для чего сеньору эта ведьма в доме? Что она умеет, если пять лет возилась с тростником? Только перебьёт всё на кухне, а посуда покойной сеньоры стоит в пять раз дороже, чем эта чумазая! Даже толком не помоеет пола! У неё ещё и мальчишка! Весь в язвах, воняет и помрёт не сегодня-завтра! Зачем она его только сюда притащила!

– Поди вон, – сказал на это Луис. Когда за старой служанкой закрылась дверь, он лёг на кровать и велел Мече снять с него сапоги. Это было исполнено. Затем, повинувшись жесту хозяина, Меча безмолвно стянула с себя платье и стояла – прямая, тонкая, как вырезанная из чёрного дерева статуэтка, с плотно сжатыми губами и опущенным в пол взглядом.

– Ты и впрямь хороша, – небрежно сказал Луис, чувствуя, как у него перехватывает дыхание. – Иди сюда. Будешь покорна – будешь жить без боли. Ты понимаешь меня?

Меча кивнула – и осторожно легла рядом с хозяином на накрахмаленную простыню.

Долорес сетовала напрасно: новая служанка оказалась послушной. Она быстро всему училась и вскоре уже носилась по дому с тряпкой и ведром, таскала воду из реки, помогала на кухне, двигала тяжёлые утюги, легко освоила готовку и неумоимо стирала и крахмалила бельё. Сын её, к общему изумлению, выжил, исцелился от язв и оказался красивым и сильным мальчишкой, страшно похожим на мать. А ночью, когда над фазендой поднималась луна и от негритянских хижин доносились грустные, тягучие напевы на непонятных языках, Меча приходила в спальню и ложилась рядом с хозяином. И делала всё, что он приказывал ей: старательно, покорно, безучастно. Но ни разу Луис не почувствовал отдачи: Меча оказалась холоднее, чем воспитанница кармелитского монастыря. Изумлённый этим (прочие его чёрные наложницы были куда горячее), Луис поневоле начал думать, что Меча скучает по мужу. Жу на плантации работал как мул, за семерых, и надсмотрщик Фелипе доносил, что проклятый негр ведёт себя прилично: просто не к чему придраться.

«К чему вам, сеньор, нужны причины? – усмеялся Фелипе – полукровка-мулат с жутковатым взглядом узких глаз, – Если нужно убить собственного негра – повод искать незачем!»

«Убить работника стоимостью три сотни крузейро? – цедил сквозь зубы Луис. – Я не настолько богат, друг мой!»

«Так продайте его, сеньор, и дело с концом! – ухмылялся мулат. – За такого мула кто угодно заплатит и четыре сотни! Ваша красотка тут же перестанет тосковать!»

Луис уже подумывал о том, чтобы послушаться Фелипе. Но в самом начале сезона дождей два десятка рабов, расчищавших лес под новую плантацию, отравили собак, перебили надсмотрщиков и сбежали в джунгли. Выяснилось, что главой мятежа был Жу.

Луис был вне себя. Нечего было и думать о том, чтобы отыскать беглецов: дождь лил стеной, соваться в мокрые заросли шесть часов спустя после побега было бессмысленно. Но досада и бешенство раздирали его изнутри. Разумеется, проклятые черномазые и прежде бежали с плантаций: такое было всегда. Пойманных беглецов ждали побои и мучительная смерть. Но те, которым удавалось скрыться, бежали в киломбуш – и негритянские поселения в сердце дождевого леса росли и росли. Добраться до них было невозможно. Проклятые черномазые обнаглели настолько, что даже устраивали нападения на фазенды, отбивая негров десятками и уводя их с собой. Среди плантаторов всё чаще велись разговоры о том, что пора бы обратиться в капитанию, призвать войска и придушить эту обезьянью вольницу в лесу. Но правительству, занятому войной с голландцами, было не до деревень беглых негров.

Тем не менее Луис вместе со своими людьми несколько часов упрямо продирался сквозь джунгли по наспех проделанной убежавшими рабами тропке. Но в глубине леса эта тропка попросту оборвалась: нигде больше не было видно ни перерубленных мачете лиан, ни сорванных листьев, ни сломанных веток. Проклятые негры словно убежали по кронам деревьев, как обезьяны! А на последний сломанный сук, словно в насмешку, был нацеплен браслет из красных и белых бусин. Увидев его, чёрные невольники словно разом посходили с ума, попадали на колени и забормотали на разные голоса непонятные молитвы. Как ни был взбешён Луис, он всё же прислушался – и услышал в потоке хриплых, невнятных звуков то и дело повторяющееся слово «шанго». Что это такое, он, разумеется, не стал выяснять. Выругался, хлестнул с досады плетью по первой подвернувшейся под руку чёрной спине и велел поворачивать назад. Пока надсмотрщики бранью и ударами поднимали рабов с земли, он думал о том, что хорошее во всей этой истории только одно: Меча забудет мужа.

Так и вышло. Узнав о том, что Жу не пойман, Меча повеселела мгновенно. Впервые за полгода Луис увидел её улыбку: ясную, широкую, как у ребёнка, открывающую блестящие белые зубы. А потом пришла их первая ночь – горячая, жаркая, страстная. И Меча так прижималась к нему, так целовала и так шептала: «О, сеньор мой, мой сеньор, я умираю, я люблю вас...», что Луис чуть с ума не сошёл. На другой день он даже пошёл на безумную глупость: отменил порку тех рабов, которые знали о побеге и не донесли надсмотрщикам. Разумеется, это было опрометчиво, но Меча так просила его об этом... Луис не смог ей отказать, и ни один негр на плантации не был наказан в тот день.

Дни шли за днями, одна ночь сменяла другую. Меча, казалось, изменилась полностью. Она не выглядела больше ни печальной, ни испуганной. Днём она по-прежнему бегала по дому с тряпками и ведрами, без усталости стирала, крахмалила и гладила, готовила для рабов (к господскому столу её не подпускала Долорес) – а по ночам в постели сводила Луиса с ума. Прежде по его дому крутилось не меньше трёх чёрных наложниц – теперь же ему не был нужен никто, кроме Мечи. Луис перестал ездить к соседям, просиживать ночи за макао и мадерой. Как можно было истратить на карты целую ночь – драгоценную ночь в чёрных и горячих, как тростниковая патока, объятиях Мечи? Как можно было столько времени не видеть её?..

«Она совсем околдовала вас, сеньор... – бурчала по временам Долорес. – Эдак вы никогда не женитесь! Берегите свою душу от греха, дон Луис, вот что я вам скажу! Не дело белому господину так терять голову от чёрной дурёхи! Это всего лишь негритянка, грязная и глупая!»

Но Луис только смеялся и приказывал старой служанке замолчать.

Мальчишка Мечи, разумеется, остался при ней. Луис собирался было отдать его в негритянские хижины – но Меча упросила оставить ей ребёнка. Луис согласился на это без особой охоты, злясь на себя и чувствуя в глубине души, что старуха Долорес права: нельзя давать чёрной наложнице столько воли. Но Меча так радовалась, так прижимала к себе сына, так жарко возносила молитвы Мадонне! Луис только диву давался: как она хорошо выучилась молиться, как доверчиво припадала ко кресту по воскресеньям, с какой готовностью принимала причастие... Луис не находил такого религиозного рвения не только у других своих рабов, но даже у себя самого! Наполовину в шутку он подарил Мече две статуэтки – Мадонны с младенцем и святой Барбары. Мадонна была в золотистом платье, святая Барбара – в красно-белом одеянии. Увидев их, Меча чуть не лишилась чувств и так жарко, со слезами и благословениями, благодарила своего господина, что Луис даже почувствовал неловкость.

Но никакая благочестивость не уменьшила страсть Мечи. Их ночи оставались прежними: полными тягучей страсти, нежных слов, острых, как душистый перец, ласк, блеска тёмных глаз и шёпота губ: «Сеньор, сеньор мой, сердце моё, моя любовь...» За целый год Меча не наскучила Луису – и каждая их ночь была как первая. Сын Мечи бегал по двору фазенды с ватагой разномастных детишек, из которых половина была сыновьями и дочерьми хозяина. Меча окрестила его, научила молитвам, по воскресеньям прилежно подводила к кресту. Мальчишка был сообразительный, верховодил сверстниками, рос сильным и ловким, но силой своей никогда не пользовался: его никто не обижал. Пора было уже отправлять парня на плантацию: таскать связки срубленного тростника, – но Луис не хотел расстраивать Мечу. В конце концов, дела на фазенде и так шли неплохо.

Однажды Меча очень осторожно попросила хозяина разрешить игру на барабанах в хижинах рабов.

«Ведь в этом нет ничего дурного, мой сеньор! Это просто барабаны, просто погремушки! Вы можете убедиться сами: ничего плохого! Неужели я стала бы просить вас о чём-то, что не понравилось бы Господу? Вы же знаете: все здесь возносят молитвы сеньору Христу и доне Марии! Если бы вы разрешили это, ваши рабы без конца поминали бы вас в молитвах...»

На молитвы черномазых Луису было абсолютно наплевать, но ему хотелось порадовать Мечу. Поразмыслив, он разрешил барабаны и пляски по воскресеньям, чем вызвал у Мечи такой всплеск благодарности, что они вдвоём три дня не вылезали из постели. В глубине души Луис надеялся, что матушка на небесах не предаёт его за это анафеме. Чтобы унять свою совесть, он сам однажды пришёл посмотреть на пляски рабов. Всё было так, как он и думал: обезьяньи прыжки под беспорядочный грохот. Отвратительно, спору нет, – но ничего безбожного. И Луис успокоился.

Каждый вечер Меча ставила на стол у их постели стакан вина. Луис удивлялся: почему обычная мадера после прикосновения Мечи начинала пахнуть мёдом, перцем и чем-то ещё, непонятным, острым и свежим, как кожа самой Мечи?.. Почему её вкус делался странным?

«Ты, верно, хочешь меня отравить?» – смеясь, спрашивал он.

«Как страшно шутит сеньор... – невольница прижималась к нему горячим, гибким телом, чуть слышно смеялась. – Сеньор совсем не любит свою Мечу, совсем ей не верит... Разве Меча не знает, что её ждёт после смерти сеньора?»

Да, она знала. И Луис верил ей.

... И вот – сегодня среда, Мечи нет рядом, смятая постель пуста, а в окно врывается барабанный бой! Луис вскочил. Машинально нащупав рядом с собой ружьё, принялся вспоминать, что они с Мечей делали перед сном. Что... То же, что и всегда! Пили вино, смеялись, любили

друг друга... Потом он уснул, уронив голову на горячую, влажную от пота грудь негритянки, уснул под её тихий смех и бормотание молитвы. И вот теперь – сидит один в спальне и смотрит на пустой стакан, из которого пил вино перед тем, как опрокинуть хохочущую Мечу на постель... Стакан! Святая Мадонна!

Протянув руку и сам удивляясь непослушности пальцев, Луис взял стакан и убедился – не тот. Меча приносила вино всегда в одном и том же стакане – тонкого, мутного венецианского стекла. Этот же был глиняный, грубый, с отбитым краем. На дне его ещё оставалось вино. Луис понюхал его. Терпко пахло мадерой. И только. Ни свежей горечи, ни привычной уже остроты не было. Это было самое обычное вино. А за окном сходили с ума барабаны, и глухой, угрожающий рокот пронизывал слух Луиса. И страх, животный страх иглой входил в сердце.

«Меча!» – позвал он одними губами, чувствуя испарину на спине. И судорожно сжал вспотевшей ладонью ружьё, когда дверь со скрипом приоткрылась и...

– Сеньор Луис! – На пороге стояла Долорес. – Проснитесь, сеньор!

Тут уже Луис испугался не на шутку. Впервые Долорес осмелилась без зова войти в хозяйскую спальню.

– Что случилось? – Он старался говорить как можно небрежнее. – Ты сошла с ума? Где Меча?

– Эта ваша Меча! – воздела руки старуха. – Эта Меча, будь она проклята! Я всегда говорила, что она еретичка и ведьма! Я говорила это сеньору сотню раз, но разве сеньор будет слушать? Эта Меча делает с вами что хочет, и вот!... Вот!!! Где она теперь?! Если бы я не осмелилась подменить вино...

– Ты подменила мадеру?..

– Да, сеньор, да простит Господь мою душу! Я это сделала! Я давно уже чужая, что эта потаскуха колдует над вами! Вы слышите, что творится в хижинах? Вы слышите эти бесовские барабаны? Это служение дьяволу, чёрному дьяволу, вот что это такое! Сеньор! Сеньор, куда же вы идёте один?! Я сейчас разбужу Фелипе и других! Пойдите, ради Пресвятой Девы! Сеньор, это же может быть опасно! Дон Луис, ради вашей покойной матери!..

Долорес была трижды права. Но Луис не думал об опасности. Он вылетел на веранду, под холодный и страшный лунный свет, скатился по крыльцу. И широкими шагами, сжимая ружьё, двинулся к темнеющим у края тростникового поля хижинам.

Барабанный бой приближался. Луису казалось, что от этих звуков вибрируют земля и небо, и всё тело его тоже пронизывала дрожь. Он шёл всё быстрее. Всё ближе были негритянские хижины, и Луис уже видел: ветхие домики освещены не луной. Красноватый свет факелов дрожал на тростниковых крышах, метались в сполохах огня чёрные фигуры. Он уже отчётливо различал голоса, выводящие странный, гортанный напев:

– Оро ейе, Ошун, оро ейе...

И Меча была там. Да, она была там – тонкая и лёгкая, чёрная, как ночь вокруг неё, в своём жёлтом холщовом платье, в серебряных браслетах, которые он, Луис, дарил ей, босая и без тюрбана... Как она танцевала! Как билась, сплетаясь в одно целое с барабанным ритмом, как изгибалось её тело, как взлетали руки, как блестели глаза!.. Луис невольно замер в двух шагах от дьявольского действия. Никто не замечал его в густой темноте, и он смотрел, как заворожённый, на то, как пляшет и кружится Меча. Гортанный напев становился всё быстрее, ритм учащался, заставляя дрожать сухую землю, метались огни факелов, громче становились голоса, Меча плясала всё быстрее – и вот... Луис попятился.

Дона Луиса Фернандо Гимараэша да Силва нелегко было напугать. Ему было одиннадцать лет, когда вместе с отцом, братьями и надсмотрщиками он отражал индейский налёт. Отравленная стрела тогда оцарапала плечо Луиса, и отец ножом вырезал заражённое место. В тринадцать лет Луис с отцом и соседями совершал набеги на поселения голландцев, жёг склады с сахаром Вест-Индской компании. В пятнадцать лет он участвовал во взятии Порту-

Калву и получил первое серьёзное ранение в грудь, от которого не оправился бы, если бы не Долорес. Но то, что Луис увидел сейчас, выбило ледяную испарину на его спине и стиснуло горло первобытным ужасом. Он не был пьян, не спал, не жевал дурманящей индейской травы. Но при этом отчётливо видел, как Меча застыла посреди освещённой площадки, изогнувшись и запрокинувшись всем телом назад так, что вот-вот, казалось, упадёт. И медленно распрямилась под торжествующий многоголосый вой. И это была уже не Меча.

В ней, казалось, прибавилось добрых четыре локтя роста. Сильнее и крепче стала фигура, круче – бёдра, тяжелее – грудь. Волосы ореолом поднялись над головой, переливаясь в свете луны и факелов, искрясь светляками и звёздами. Глаза... Как сияли её глаза, источая золотистый, манящий свет! Как сверкали в призывной улыбке зубы! Над землёй, мешаясь с дымом факелов, потянул свежий запах реки и водяных цветов. Сразу несколько женщин простёрлись ниц, склонились в поклоне мужчины. «Ошун, Ошун, Ошун!» – понеслись приветственные возгласы. Против своей воли Луис почувствовал нестерпимое влечение к этому дьявольскому, адскому созданию, в которое превратилась его Меча! «Святая дева, Спаситель, к ногам вашим припадаю...» – из последних сил воззвал он пересохшими губами. Вскинул ружьё. И выстрелил.

... В трёхстах километрах и в трёх с половиной веках от фазенды Дос-Палмас, в городе Сан-Салвадор-да-Баия, чёрном городе Всех Святых, в квартале Бротас ориша Ошун вдрогнула и проснулась.

Сан-Паулу, наши дни

... – Таким образом, мы не можем с уверенностью назвать год и даже век рождения кандомбле в Бразилии! Письменных источников не осталось – вернее, их не было вовсе. Чёрных рабов привозили на побережье страны в трюмах португальских кораблей. Это были главным образом йоруба: жители современной Нигерии и Конго, частично – народы наго, эдо и хауса из Бенина и Ганы. Для португальских завоевателей чёрные люди были, как вы знаете, животными, которых можно научить работать, – и только.

Дон Жантос остановился, чтобы перевести дух. На его коричневом лбу каброша²⁵ блестели крошечные бисеринки пота. Собравшиеся вокруг студенты благоговейно ждали, когда легендарный профессор продолжит лекцию. Огромное помещение выставочного зала университета Сан-Паулу было полно народу. Час назад состоялось торжественное открытие ежегодной ноябрьской выставки студенческих работ факультета искусства. Выставка традиционно посвящалась Дню национального самосознания и герою Зумби Дос Палмарис²⁶. На белых стенах висели картины. На постаментах высились скульптуры, статуэтки и инсталляции. Группы людей бродили по мраморным плиткам пола, осматривая экспонаты и взволнованно переговариваясь.

– Многие продолжают считать так и сейчас, профессор! – раздался голос из толпы студентов. Профессор Жантос грустно улыбнулся, поправив на запястье известный всему университету браслет из агатовых и нефритовых бусин.

– Безусловно, молодой человек. Ведь и идеи Гитлера многим поначалу казались здравыми – до тех пор, пока национал-социализм не показал Европе своё истинное лицо! Но, как говорится, отними у человека его злобность, глупость и страх перед теми, кто на него не

---

²⁵ Каброш – тёмный мулат с тремя четвертями негритянской крови.

²⁶ Зумби Дос Палмарис – глава киломбу (негритянского государства) Палмарис на территории штата Пернамбуку в 1678–1694 гг. В возрасте 6 лет был отдан португальцами в миссионерскую церковь, принял крещение и получил начальное образование. В 1670 г. сбежал из миссии и вернулся в киломбу, вскоре возглавил партизанскую войну против португальских колонизаторов. Был убит в 1695 году при захвате Палмарис колониальными властями. День гибели Зумби, 20 ноября – День национального сознания темнокожих в Бразилии.

похож, – и он перестанет быть человеком и делается святым... Более того, такой подход к людям может оправдать любую жестокость. Наша страна поднялась на плечах чёрных рабов, на их слезах и страданиях. Всё, что йоруба смогли привезти с собой в чужую землю – это учение Ифа²⁷: их религия, образ жизни, принятие мира, связь с природой и стихиями... Это то, что не позволило народу йоруба без следа исчезнуть на чужой земле: ведь о никакой ассимиляции в те времена не могло быть и речи! Индейцев обратить в рабство португальцам не удалось: коренные жители Америки вымирали целыми племенами в неволе. А йоруба не только выжили, но и умудрились в нечеловеческих условиях пронести своё религиозно-философское учение практически без изменений до сегодняшнего дня. И это в ультракатолической стране, какой являлась на протяжении трёх веков Бразилия! Где даже подозрение в поклонении языческим идолам каралось страшно и жестоко! Где бывшие граждане государств Ндонго²⁸ и Иле-Ифе²⁹ ежедневно рисковали жизнью, сохраняя верность своим богам! Из великой культуры Ифа родились кандомбле и капоэйра, гордость Бразилии! Кто здесь сможет назвать основное отличие кандомбле от западноафриканской философии Ифа? Сеньорита Каррейра, прошу вас! Вы ведь из Баии, насколько я помню? Если так, то вы должны всё знать о кандомбле!

По толпе студентов прокатился негромкий смех. Все обернулись на девятнадцатилетнюю мулатку с серьёзным лицом, которая, откинув за спину вьющуюся копну волос, спокойно ждала, пока шум уляжется.

– Благодарю вас, профессор, – с улыбкой сказала Эва Каррейра, дождавшись тишины. – Я полагаю, что главное отличие кандомбле от учения Ифа – в слиянии йорубанских верований с католической религией. Чисто внешнем слиянии, разумеется. Африканцам насильно навязывали католичество – у них не было возможности сопротивляться. И поэтому Мать Всех Вод Йеманжа спряталась за Святой девой. Ошала, отец всех ориша, стал Иисусом Христом. Эшу Элегба – святым Антонием, Обалуайе, хозяин болезней – святым Лазарем, воин Огун – святым Михаилом из-за меча в его руках, охотник Ошосси с его стрелами – святым Себастьяном, а ориша молний и гнева Шанго сделался святой Барбарой...

Снова смех прокатился по аудитории.

– Но это-то как можно объяснить, Эвинья? – насмешливо спросил Даниэл да Вита. – Думаю, ты ошибаешься! Шанго стал женщиной и не обиделся!

– Поверь мне, нет, – серьёзно ответила Эва. – Видишь ли, святую Барбару обыкновенно изображают в красно-белом одеянии. Красное и белое – это цвета Шанго, параллель очевидна для посвящённых. Так что католические святые стали обычным прикрытием! Чёрная рабыня могла без помех молиться в своей хижине перед статуэткой Девы Марии: для неё это была Жанаина, Йеманжа, Звезда моря! А пляски во славу Огуна сделались капоэйрой! Для белых хозяев это были всего лишь дикие языческие танцы – а для рабов они стали боевым искусством, и если бы не оно – никакие киломбуш и государство Палмарис не могли бы возникнуть! И герой Зумби Дос Палмарис, который, по легенде, был сыном чёрной рабыни от ориша Шанго...

– Дон Жантос, да уймите же нашу учёную даму! – со смехом обратился Даниэл к профессору. – Боюсь, нас ждёт ещё одна лекция, а дело идёт к вечеру!

– Продолжайте, сеньорита Каррейра, прошу вас, – спокойно попросил профессор. Но Эва, смутившись, умолкла. Несколько студентов, слушавших её с большим интересом, сердито

---

²⁷ Ифа – западноафриканское философско-религиозное учение, объясняющее универсальную мудрость природы и гармоничное существование в ней людей, духов и ориша. Ифа рассматривает Вселенную как творение верховного божества Олодумаре. Согласно Ифа, всё в природе наделено индивидуальным сознанием – ори. Каждое ори направляют ориша.

²⁸ Ндонго – государство на территории Западной Африки (территория современного Заира, Бенина, частично – Анголы) в 15–17 вв.

²⁹ Иле-Ифе – город-государство на территории юго-западной Нигерии, в традиционных представлениях йоруба – прародина всего сущего, обиталище богов и духов, место, где начинается день, мир и источники всех вод.

заворчали на Даниэла. Тот отмахнулся со скучающим видом, отбросил со лба каштановую прядь волос. Одна из девушек восхищённо вздохнула. Даниэл чуть заметно улыбнулся.

– Что ж, тем не менее, блестящий ответ, – невозмутимо подытожил дон Жантос. – Я и сам не сказал бы лучше. Превосходно, сеньорита! О божественном происхождении легендарного Зумби мне, например, ничего не известно!

– На этот счёт и нет никаких официальных данных, – улыбнулась Эва. – Это просто патаки³⁰ с холма Мата-Гату... одна из сотен сказок Баии.

– Я просто вынужден поставить вам автоматический зачёт по моей дисциплине, – шутливо поклонился профессор. И обратился ко всей аудитории сразу, – Насколько мне известно, здесь, на выставке, присутствуют несколько работ сеньориты Каррейра! Покажите нам их, Эва, прошу вас!

– Ни... ничего особенного... – Эва, захваченная врасплох, страшно смутилась. – Цикл «Сыновья Йеманжи»... Они стоят вон там, в скульптурном зале.

Толпа студентов под предводительством профессора устремила в соседний зал. Рядом с Эвой остался лишь Даниэл.

– Ну, я это всё уже видел сто раз, так что извини, любовь моя, – не побегу, – насмешливо сказал он.

Эва молча кивнула. И зашагала вслед за товарищами.

Те уже стояли, плотно окружив длинный постамент с пятью статуэтками примерно в полметра высотой. Первым обращал на себя внимание Огун – гора мускулов, чёрное, суровое, некрасивое лицо, недобрый взгляд, тёмно-синяя накидка. Чуть поодаль король грозы Шанго поднимал свои мачете, похожие на молнии. Рядом с ним, опустив лук и наложенную на тетиву стрелу, лениво поглядывал поверх голов зрителей охотник Ошосси. За его спиной высился в белой одежде Ошумарэ – мужчина и женщина одновременно, хозяин радуг и дождей. И рядом с ним, как тень, стоял повелитель хворей и болезней – сумрачный Обалуайе в соломенной накидке, скрывающей изуродованное тело.

По толпе студентов пронеслись вздохи восхищения.

– Эва, но это же чудесно! Они как живые, Святая дева... Как будто ты с ними знакома! У тебя были натурщики? Потрясающе, профессор, правда же?

– Вы уверены, дочь моя, что у Огуна должны быть тёмно-синие одежды? – озадаченно спросил дон Жантос. – Насколько я знаю...

– О да, в Ифа цвета Огуна – зелёный и чёрный! На Кубе и на Гаити это до сих пор так. Но у нас в Баие, и во всей Бразилии, – всё-таки тёмно-синий, – улыбнулась Эва. – Вспомните форму нашей полиции! Ведь все они – дети Огуна и носят его цвет!

Засмеялись все – кроме самой Эвы, которая внезапно перестала улыбаться.

– А... где же Эшу? – с удивлением спросила она, разглядывая статуэтки. – Вот здесь ещё вчера стоял мой Эшу! Я сама ставила его!

– Не пугайся, Эвинья! Твоего Эшу купила я, для отца! – раздался резкий девичий голос, и Ана Мендонса, распорядительница выставки, быстрыми шагами подошла к студентам. Высокая и надменная, угольно-чёрная студентка последнего курса сама казалась жрицей какого-то строгого божества.

– Папа ведь их коллекционирует! У него есть изображение даже из Бенина, весь дом в этих Элегба и... И вот спасибо тебе большое, да-да! Я теперь не могу спокойно зайти к отцу в кабинет! Твой Эшу расселся там на полке и смотрит на меня так, будто я забыла надеть платье! Как тебе это удалось, дочь моя, – не понимаю...

Тут Ану позвали с другого конца зала, и она удалилась – величественная, как фрегат под всеми парусами. Эва растерянно посмотрела на товарищey. Поспешно спросила:

---

³⁰ Патаки – история о приключениях или жизни ориша

– А вы видели инсталляции нашего Даниэла? Во-он там, у дальней стены, целых четыре! «Человек в мире машин», «Женщины», «Энкарнасьон» и...

Несколько человек вежливо покосились в указанном направлении, но ни один не тронулся с места. Профессор Жантос не стал даже оборачиваться, увлечённо изучая статуэтку Огуна. Краем глаза Эва увидела застывшее лицо Даниэла.

Через полчаса студенты покинули выставку и весёлой, гомонящей толпой выкатились на залитый солнцем университетский двор. Стоял конец ноября, тёплый и ласковый. Не за горами были экзамены, каникулы, свобода, Рождество.

– Эва! Эва! Сеньорита Эва Каррейра!

Эва, идущая рядом с насупленным Даниэлом, обернулась. За ней через весь двор бежала Ана Мендонса.

– Эвинья, я забыла тебя спросить: почему ты до сих пор не выставила свои картины?

– Ана... – тяжело вздохнула Эва, – Ну сколько, ей-богу, можно...

– Я знаю, что говорю, дочь моя! Посмотри, какой успех у статуэток! Там твоего Огуна, между прочим, уже покупает профессор Жантос! И ругается, как портовый грузчик, что у него нет с собой достаточно денег! Уже велел мне никому его не продавать, снять с выставки, и завтра с утра он его заберёт! Это настоящий успех, моя дорогая! Непременно принеси мне картины, я ещё успею их выставить!

– Нет, Анинья, – тихо, но решительно возразила Эва. – Акварели я выставлять не буду.

– Но по-че-му?! – воздела к небу руки Ана. – Они же прекрасны! Я видела своими глазами! Ты же знаешь, какая я вредная, я никого не хвалю просто так! Я тебе ещё месяц назад сказала, что «Шанго, спорящий с Йанса» – это шедевр! Да, шедевр, и не спорь, дочь моя! Я его тогда сфотографировала и показала отцу – и он до сих пор не верит, что тебе всего девятнадцать лет!

– Анинья, хватит, ты свихнулась! – Эва боялась даже посмотреть на стоящего рядом Даниэла.

– Да, да, конечно, и папа тоже свихнулся! – парировала Ана. – И весь выставочный комплекс «Андрате» в упор не видит, что их председатель – полоумный!

– Ана, это моё решение. Статуэтки неплохи, я согласна... но живопись ещё незрела. Я не готова её выставлять, – упрямо повторила Эва. – Когда почувствую, что можно, – сама принесу тебе всё, что у меня есть. Обещаю. Но не сейчас.

Ана в упор посмотрела на неё. Эва спокойно выдержала этот взгляд.

– Что ж, как знаешь, – пожала плечами сеньорита Мендонса. – Но запомни: с твоей стороны это страшная глупость! Страшная!

– Не сердись, – Эва примиряюще коснулась её локтя. – Я ценю твою заботу. Передай мою благодарность дону Мендонса.

Ана величаво кивнула и, расправив подол платья цвета ванильного мороженого, удалилась в сторону студенческого кафетерия.

– По-моему, она скоро перестанет влезать в свои любимые белые одежды, – тихо сказал Даниэл. – Тебе не кажется, что наша Ана просто глупа как индюшка? И высокомерна до смешного?

Эве так вовсе не казалось. Более того, она терпеть не могла, когда Даниэл начинал вести себя подобным образом. Эва напомнила себе, что Даниэла можно понять: Ана ни слова не сказала об его инсталляциях, на которые автором возлагалось столько надежд. А поддержка всесильного дона Мендонса, председателя общества «Андрате», пришлась бы Даниэлу весьма кстати. Эва об этом знала. Она попыталась промолчать, но Даниэл был настроен на ссору и не дал сбить себя с курса.

– Ты, впрочем, умница, что не отдала акварели на выставку. Я ничего не скажу про твои статуэтки, они вполне добротны сделаны, но живопись, любовь моя, – это всё же не твоё. Ты

ведь сама понимаешь, что они беспомощны, вторичны, технически слабы... Себя показывать надо с самой лучшей стороны! Не давай повода над собой смеяться, Эвинья! Поверь мне, я люблю тебя и хочу оградить от неприятностей. Мир искусства очень жесток, а ты слишком наивна...

– Я понимаю, Дан, – грустно сказала Эва. – Я ведь послушалась тебя.

– Но как, однако, ты здорово подлизалась к дону Жантосу! Вот что значит нащупать профессорского любимого конька!

– Даниэл, но это уж слишком! – Эва ещё надеялась всё свести к шутке. – При чём тут коньки?..

– Только не делай вид, что ты не знала! Мало того, что вы с ним почти земляки – он ведь из Ресифи – так у него ещё две диссертации на тему кандомбле! Я ещё вовремя вмешался, иначе вы с ним проговорили бы до глубокой ночи, а все остальные мучились, слушая этот околонучный бред!

– Отчего же бред?..

– Эвинья, девочка моя! Ты меня просто пугаешь! – рассмеялся он. – Кандомбле – это негритянская секта, и ничего более! Ты же не веришь всерьёз в то, что некое божество спустится с небес, войдёт в своего адепта... как ты говорила – иалориша? – и будет лично разбираться с болячками его тётушки или плохими отметками детей в школе? Ты же не веришь, что если на Рождество кинуть в море черепаховый гребень и вылить флакон духов, то Йеманжа поможет тебе выйти замуж? Эвинья, ты ведь студентка! Современная образованная девушка! Надеюсь, ты хотя бы чёрных петухов не режешь в честь Эшу... или кто их там просит? Чёрт, надо будет в самом деле прочесть эту чушь хотя бы к зачёту...

Эва шла рядом, улыбаясь спокойно и безразлично. Это выражение лица было выучено ею ещё давным-давно, в раннем детстве. Оно называлось: «Не дай маме заметить, что тебе больно». Дона Каррейра никому не прощала уязвимости, и тем более – собственной дочери. Эва не виделась с матерью больше года, но привычка прятать свои чувства никуда не делась. И слава богу, с горечью подумала она.

– Видишь – там? – Эва показала на голубую, обшарпанную церквушку колониальных времён, у стрельчатого входа в которую суетились несколько старух в чёрном. – Riskни-ка сейчас подойти к этим сеньорам. И скажи им, что смешно и нелепо верить в то, что некое божество по имени Иисус Христос живёт на небесах и интересуется их проблемами. И выслушивает их молитвы. И требует для себя пышных церковных служб и даров. А ещё скажи, что принимать внутрь чьё-то тело и кровь – обычное людоедство, а не таинство Святого Причастия! А заменить это тело и эту кровь на хлеб и вино – или лицемерие, или детская игра! Интересно, успею ли я вызвать полицию до того, как эти благочестивые сеньоры разорвут тебя в клочья?

– Но, Эвинья, как же ты можешь сравнивать?.. – озадаченно спросил Даниэл. – Ведь католичество – всё же государственная религия...

– ...и это не делает её лучше и вернее кандомбле, – пожала плечами Эва. – Хочу ещё тебе напомнить, что Огун был царём государства Иле-Ифе, а Шанго вёл войны в Ндонго в те времена, когда сеньора Иисуса ещё и в проекте не было! И кандомбле не нанесла миру и сотой доли того вреда, которое причинило христианство! А уж если считать по числу приверженцев, то учение Ифа до сих пор объединяет, так или иначе, большую половину Африки. Тогда как католичество...

– Я понял тебя, Эвинья, – перебил её Даниэл, даже не пытаясь скрыть досаду. – Ты сумасшедшая – не меньше нашего профессора. Так тот хотя бы из научного интереса, а ты... Неудивительно, что тебе отдали чуть не ползала на выставке! Безумие всегда привлекательно! Дон Мендонса наверняка будет в восторге!

– Послушай, но ведь мы выставляемся вместе! – Эва из последних сил старалась не заплакать. – Дон Мендонса приедет завтра! И ты сможешь поговорить с ним о своих инстал...

Но Даниэла уже понесло всерьёз. В эти минуты его красивое лицо делалось бледным и жёстким, губы складывались в нитку, и Эва чувствовала, что её начинает подташнивать. Точно так же её когда-то до полусмерти пугала мать.

– Ну, уж уволь меня от этого, детка! Лебезить перед отцом этой наглой выскочки, которая каждое своё слово считает истиной в последней инстанции?!

– Ана вовсе не глупа...

– Эви-инья! Я понимаю, что ты чувствуешь себя ей обязанной! Ведь она так нахваливает твои работы! Но ты ведь всё-таки художник, детка! Нельзя же так откровенно пресмыкаться перед властью имущими!

– Дан, прошу тебя, прекрати!

Но тот и не думал останавливаться. Не замечая того, что на них оборачиваются прохожие, Даниэл встал перед Эвой, вынуждая её остановиться тоже. Голубые глаза парня, когда он злился, превращались в два кусочка льда из коктейля. Когда-то Эве это нравилось...

– Послушай, мы ведь с тобой не чужие люди! Я ценю твоё искусство, Эвинья, но ведь ты же не станешь отрицать, что всё это – самый настоящий китч? Ярмарочный товар? Поделки для туристов? Ты же и начинала как мастерица «чудес», не так ли? Работала на продажу?

– Но что же в этом...

– То, что дешёвая статуэтка в сувенирном магазине ещё не есть искусство, моя девочка! У тебя совершенно нет вкуса, вот что! Ты никогда не замечала той грани, перед которой надо остановиться! Твои статуэтки – это стилизация под дешёвую баиянскую керамику, и только! Твои картины – просто красивая натура! И не спорь, я видел эту твою «Ошун на берегу реки»! Дешёвый постер на стену в офис, вот что это такое! Африканский «наив», помноженный на роскошную внешность модели! Ты говорила тогда, что работала с настоящей натурщицей, и я делал вид, что верил, но... Но ведь мы оба знаем, что на такую натурщицу у тебя попросту не хватило бы денег! Женщина с такими данными не стала бы позировать студентке-первокурснице! Это всего лишь...

Даниэл умолк на полуслове, заметив вдруг, что Эва не слушает его. Она смотрела через его плечо и улыбалась. Недоумевая, парень обернулся. И – потерял дар речи. Впрочем, вместе с ним этот дар утратила вся улица. Дорожное движение встало. Два грузовика на углу чуть не столкнулись, воздух наполнился резкими сигналами и гневными воплями водителей. Полицейская машина остановилась посреди пешеходного перехода, и из неё высунулись четыре головы в фуражках. Продавец фруктов уронил ящик с апельсинами, оранжевые шары покатались по асфальту и тут же были расхвачаны ловкими мальчишками. А виновница этого столпотворения не спеша переходила улицу, пробираясь между отчаянно сигналящими машинами и помахивая ладошкой восхищённым зрителям. Ветерок приподнимал её жёлтое платье, обнажая стройные шоколадные ноги в золочёных босоножках. Позвякивали серебряные браслеты, облако волос падало на хрупкие точёные плечи. И, глядя на эту чёрную красавицу, Даниэл понял, что пресловутая картина Эвы была лишь бледной копией оригинала.

– Так это в самом деле?.. – хрипло начал он, оборачиваясь к Эве. Но той уже давно не было рядом. Она неслась к чёрной девушке с истошными воплями:

– Ошун! Ты здесь? Почему? Что случилось? Что-то с ребятами? С тетей?!

– Ай, ничего, Эвинья, ничего! – Беззаботный смех негритянки выбил испарину на спине Даниэла. – Клянусь тебе, всё прекрасно! Всё замечательно! Неужели я не могу просто приехать навестить тебя?

– Но ведь через две недели я сама бы приехала! Скоро же каникулы! А ты летела из Баии по самой жаре! Ошун, Ошун, как же я рада тебя видеть! – Эва кинулась на шею подруге.

– Ну-ну, незачем реветь, моя радость! – Ошун, как всегда, легко прочла её мысли. – Всё хорошо, правда же! Я так рада обнять тебя, девочка моя!

– Так это правда? – вернул Эву в действительность растерянный голос Даниэла. – Эта сеньорита – твоя модель? Ты меня не представишь?

Эва и Ошун обернулись к нему одновременно. Даниэл увидел тёмное, прекрасное лицо, ровную полоску белых зубов, огромные чёрные глаза с лукавым блеском. Запах влажных цветов и речной свежести, идущий от эбеновой красавицы, кружил голову. Асфальт предательски уходил из-под ног.

Эва смотрела на парня с грустной улыбкой. Удивлялась про себя: почему даже сейчас она не чувствует ничего, кроме горечи?

– Ошун, это Даниэл да Вита, мой... друг. Дан, это Ошун. Жена моего брата.

– Вот как? – Даниэл явно пытался взять себя в руки и вернуть свой обычный иронический тон. – Что ж, мне очень приятно, сеньорита! А мы с Эвой как раз говорили о том, кто позировал ей для её последней картины! Видит бог, я отдал бы всё, что у меня есть, за такую прелестную натурщицу!

– Да у тебя же ничего нет, малыш, – безмятежно сказала Ошун, глядя на Даниэла сошуренными глазами. Эва знала: это выражение лица подруги не предвещает ничего хорошего. Она вдруг сообразила: Ошун наверняка слышала, как они с Даниэлом ругались... Да что Ошун – вся улица слышала!

– Ошун, прошу тебя, идём, посидим где-нибудь... Тебе надо отдохнуть.

– Сию минуту, моя дорогая! – Ошун и с места не двинулась, продолжая внимательно разглядывать Даниэла. Тот явно почувствовал себя не в своей тарелке.

– Уверяю вас, вы ошибаетесь, сеньорита! Сколько вы берёте в час? Я готов заплатить...

– Да нечем, нечем тебе платить, мой сладкий! – Ошун зевнула, снова улыбнулась, показав сияющую подкову безупречных зубов. – Кредитная карточка – отца, квартира – отца, машина – тоже, и за учёбу платит папочка... Свой у тебя только бананчик – да и тот не самый лучший... Что такое, Эвинья? Ты станешь спорить? Ты забыла, что такое настоящее мужское копьё?! Не-е-ет, пора возвращаться в Баию, пока ты не превратилась тут в сушёную грингу!

– Сеньорита, что вы себе... Как вы смеете! – оторопел Даниэл.

– С-с-смею, радость моя! – Улыбка пропала с лица Ошун. Негритянка по-мужски выдвинула вперёд нижнюю челюсть, подобралась, словно для драки. «Вот что значит три года жить с Шанго!» – подумала Эва. Но даже в гневе Ошун была прекрасна, и Эва поймала себя на мысли, что любит её – вместе с толпой, собравшейся рядом. А подруга как будто не замечала сгрудившихся вокруг людей. Её тонкий палец с накрашенным ногтем угрожающе рассекал воздух перед самым носом Даниэла:

– Ты, дешёвка! Папин сынок! Выплюнутая жвачка! Гроша не заработал сам, ничего путного не сделал и даже не нарисовал! Ты знать не знаешь, что такое на свете жить по-настоящему! Я ни черта не понимаю в этом вашем искусстве, – но в тот дом, где стоит «чудо» нашей Эвы, приходит счастье! Приходит – и остаётся, слышишь, ты, кусок дерьма?! А ты кого обрадовал в своей жизни? Кому принёс радость? Эти твои инса... исту... истула... Дьявол, Эвинья, как надо сказать?!.

– Ин-стал-ля-ции... Замолчи, ради бога, на нас смотрят!

– Да-да-да!!! Ты на днях присылала фото, и я чуть с ума не сошла! Смотрела сверху, снизу, крутила во все стороны! Поняла, что я круглая дура, пошла к Шанго! Он послал меня к чёрту! Тогда я поехала к Оба! Она тоже сказала, что ничего не понимает! Мы поймали с ней такси и подались к нашему Марэ: уж он-то должен знать! Ну и что? Только выбросили на ветер пять реалов! Марэ посмотрел на эти кривульки, засмеялся и сказал, что это... ну, как же... Тьфу, будь проклята моя безграмотность, надо было школу оканчивать!.. В общем, это всё гроша не стоит и просто... просто... ерунда из проволочек с какашкой сверху! Взрыв в пляжном туалете на Барра, вот что!

Толпа грохнула хохотом. Даниэл онемел. А Эвинья почувствовала, что не может сдерживать смеха: ведь последняя инсталляция Даниэла под пафосным названием «Человек в мире машин» в самом деле напоминала проволочную пирамидку. С неудобоваримым предметом наверху.

– Всё, Эвинья, хватит тратить время! Идём отсюда! – Крепкие пальцы подруги ухватили Эву за руку выше локтя и решительно повлекли сквозь смеющуюся толпу. Даниэл что-то кричал им вслед, но ни Эва, ни Ошун не обернулись.

– Зачем тебе понадобился этот слизняк? – требовательно спросила Ошун, когда подруги выбрались из толпы и, пройдя несколько переулков, оказались перед фонтаном. – Я ведь не хотела вмешиваться в твои дела! Шла за вами от самого университета и ждала, когда твой дружок перестанет над тобой издеваться! Или когда ты сама дашь ему по морде и пошлешь куда подальше! И что?! Всё равно пришлось влезть и разобраться самой! Почему ты позволяешь так обращаться с собой, девочка моя?

Эва только вздохнула, понимая, что Ошун права. Но год назад, когда её приняли в знаменитый университет Сан-Паулу, назначив стипендию штата, когда её работами заинтересовались специалисты, когда Даниэл, красавец-старшекурсник, подошёл к ней в студенческой столовой и сделал несколько комплиментов её рисункам, а потом пригласил в кафе под завистливыми взглядами других девушек... Никогда прежде на Эву не наваливалось столько счастья! Никогда жизнь не казалась такой радужной, лёгкой и безоблачной! К тому же, впервые за все её восемнадцать лет, рядом не было матери и некому было отравлять Эве каждый миг жизни. Она влюбилась в Даниэла сразу же, в тот же вечер. Целый месяц они были неразлучны, а потом Эва собрала свои книги и вещи и переехала из студенческого общежития в квартиру Даниэла.

Даниэл был младшим отпрыском знаменитой семьи да Вита: отец – театральный режиссёр, мать – известная актриса, старшая сестра – кинокритик... Дан учился на последнем курсе университета и имел свою квартиру с огромной мастерской, где нашлось место и для керамики Эвы, и для её мольберта и красок. И снова каждый миг казался наполненным счастьем: ведь впервые Эву кто-то любил! Впервые кто-то восхищался ею, говорил, как она красива, какие у неё тонкие руки и как прекрасна её грудь, как замечательна её гладкая кожа баиянской мулатки цвета кофе с капелькой молока! Впервые она просыпалась рядом с мужчиной, который даже во сне не хотел выпускать её из рук и бормотал, не разжимая объятий: «Эвинья, любовь моя, куда ты? Останься со мной, не пойдём сегодня на лекции, будем целый день в постели...» И Эва оставалась! И они занимались любовью до вечера, а потом шли в театр или в ресторан, Даниэл покупал ей розы и орхидеи, приглашал танцевать – и не хотел верить в то, что Эва не умеет, отчаянно ревновал её ко всем мужчинам вокруг и обещал, что на каникулы они вместе поедут в Европу. Эва верила и ждала.

Однако, в Европу Даниэл уехал с родителями.

«Ты не представляешь, малышка, какой нудный мой старикан! – с улыбкой сказал он Эве накануне отъезда. – Чтобы тебе поехать со мной, ты должна быть, по меньшей мере, моей женой! И то уже лет десять! Ты ведь простишь меня? Не будешь сильно скучать?»

Эва лишь улыбнулась в ответ, никак не показывая захлестнувшей сердце горечи. Она восемнадцать лет прожила с матерью. Она хорошо умела прятать обиду.

В ту ночь, когда Даниэл улетел в Париж, Эва так и не уснула. То лежала в постели, кажущейся такой широкой, то бродила по квартире, тоже странно пустой и огромной. И в сердце тоже было пусто, и в голове билась одна и та же мысль: «Хочу домой... домой... домой...»

Домой, в Баию. В город разноцветных церквей, раскинувшийся на холмах. К заливу Всех Святых, к белым пляжам, по которым бегают дети всех цветов и оттенков, узким улочкам квартала Рио-Вермелью и площади Пелоруиньо. К капоэйре на песке, бою атабаке и зудению беримбау, к самбе, которую пляшет шестилетняя чёрная малышка прямо на асфальте под рит-

мичное кваканье гитары и агого, к сертанежу³¹ из каждого окна. К белым, ничем не примечательным Домам Святых, где по вечерам открывается террейро³² и ориша спускаются к своим детям... Как давно она не была на макумбе, она – Эуа, ориша Луны, дождя и превращений, мать тех, кто не живёт без творчества? Как давно не входила в дом своей тётки Жанаины – Йеманжи... Там, в Баие, ориша живут среди смертных и сами, как смертные, любят, ненавидят, ссорятся и воюют, делают глупости и совершают подвиги – всё, как у тех людей, что обращают к ним свои мольбы. Бесшумно меря босыми ногами пол, Эва вспоминала тётку, братьев, свою старшую сестру Оба... И, конечно же, Эшу – уличного пацана с вечной ухмылкой на обезьяньей физиономии, драчуна, вруна и бабника, для которого не было закрытых дверей и запретных дел. Каждый раз, вспоминая Эшу, Эва чувствовала, что улыбается. Эшу был ей братом – и не братом тоже... Он таскал Эву по тайным закоулкам города, где она, сама баиянка, не была ни разу в жизни. С ним Эва ела ватапу³³ в крошечном рыбацком кафе на пляже и пила лучший в мире кофе. Он показал ей безлюдный пляж, скрытый от туристов густыми мангровыми зарослями, где за целый день так и не появилось ни одного человека. Он учил её капозйре. Он в конце концов и стал её первым мужчиной – в пустой рыбацкой лодке, в объятиях тёмной, как бархат, баиянской ночи с лунными бликами на воронёной глади моря. И Эва до сих пор помнила ту душную ночь, воду, чуть слышно плещущую о борт лодки, нетерпеливый и страстный мужской шёпот, горячие губы, жадно исследующие её плечи и грудь, полные нестерпимой нежности слова, поцелуи, поцелуи, поцелуи – и незнакомую горячую дрожь, идущую из самой глубины тела... Они заснули под утро в объятиях друг друга – а на рассвете Эва проснулась в одиночестве. Море и пляж были пустыми, солнце едва показало свой край из-за холмов. Эва оделась и отправилась домой. Эшу оставил её одну, не приехал даже проводить в аэропорт, – но не обижаться же было, в самом деле, на этого бандита?.. Когда полгода спустя Эва вернулась на каникулы в Баию, Эшу в городе не оказалось, и никто, даже его мать, не знал, где он. Эва ничуть этому не удивилась: Эшу – он и есть Эшу. Но она улыбалась всякий раз, когда вспоминала о нём.

С этой улыбкой на губах Эва и вошла в мастерскую. Зажгла свет. Сняла влажную ткань с комка глины. И, привычно отделив ладонью кусок, уселась с ним прямо на пол. Так всегда работала её бабушка – мастерица «чудес» дона Энграсия, научившая любимую внучку всему, что умела сама. Над этой её «рыночной манерой» всегда смеялся Даниэл, но сейчас Эве это было всё равно. Ладони ритмично разминали глину. В ушах, нарастая, гремели баиянские барабаны. «Кто придёт первым?» – спросила у самой себя Эва. Спросила просто так: ведь первым всегда приходил Эшу.

К рассвету глиняный Эшу уже сидел на краю стола: с сигаретой в ухмыляющемся рту, в сбитой на затылок бейсболке, в майке, спущенной с плеча – такой, каким запомнила его Эва. Она улыбнулась ему в ответ. Сходила в кухню за кофе – и отделила от глиняной массы ещё один кусок.

Эва не помнила, чтобы когда-то работала с таким упоением. Шли каникулы, не нужно было ехать в университет. Даниэла не было дома, и никто не тащил её то в гости, то в ресторан, то в постель, то в театр... День сменял ночь, на кухне время от времени закипал кофе, в мусорном ведре росли пустые бутылки из-под воды, есть Эва совсем не могла, – а на столе рядом с Эшу появлялись Огун, Шанго, Ошосси, Ошумарэ... Эва едва находила час-другой для сна – и, проснувшись, снова бросалась к куску глины. Последним из рук её вышел Обалуайе – её брат Обалу с изуродованным телом и безобразным лицом, ориша всех болезней. Когда Эва

³¹ Сертанежу – от «sertao» – внутренние районы Бразилии. Здесь: романтический и сентиментальный песенный стиль. Для аккомпанемента используются обычно виола и гитара, песни часто исполняются дуэтом.

³² Террейро – площадка для богослужения в кандомбле

³³ Ватапа – блюдо из рыбы и креветок с орехами и специями

поставила ещё влажную статуэтку на край стола, в окно заглянула голубая луна, а из-за спины послышался негромкий голос:

– Рирро, Эуа...

Она обернулась, ничуть не удивлённая. Её брат Ошумарэ сидел на подоконнике и, улыбаясь, смотрел на неё своими мягкими глазами цвета кофе эспрессо.

– Марэ? Ты здесь? – слабо улыбнулась она. – Как хорошо, что ты пришёл...

– Эвинья, так нельзя, – с упрёком сказал Марэ, подходя к ней. – Я знаю, мы оба с тобой сумасшедшие, но – так нельзя! Я из-за тебя целую неделю не могу спать! Чем ты так занята? Вот это?.. Боже мой...

Он подошёл к столу и, удерживая чуть живую Эву за талию рядом с собой, принялся рассматривать статуэтки.

– Господи, Эвинья... Мне даже страшно! Это ты сама... Сестрёнка... это сделала ты?!

– Совсем плохо? – испугалась Эва.

– Плохо?! Это прекрасно! Я и подумать не мог, что... Наша бабушка была лучше всех, но вот это... Боже, как жаль, что она этого не увидит!

Марэ долго не сводил взгляда со статуэток. Затем вдруг повернулся к сестре и нахмурился.

– Но... ты же отдала им всю свою аше³⁴! Как ты держишься на ногах, Эвинья?! Я сначала не хотел вмешиваться: сам иногда так работаю... Но Обалу в эти дни просто с ума сходил! Он ведь твою ори чувствует ещё лучше, чем я! Он замучил меня: иди к сестре, она себя угробит, она не знает меры, вы с ней оба полоумные... И вот – я здесь! И вовремя, похоже! Сядь в кресло! Закрой глаза, расслабься... Сейчас пойдёт.

Эва слабо улыбнулась, протягивая брату руку. И аше Марэ – сияющая, радужная – сразу же вошла в её ладонь и поднялась выше, к сердцу и голове, наполняя всё тело светом и силой. И – словно не было этих дней непрерывной работы, усталости, сна урывками, торопливых глотков остывшего кофе, головокружения...

– Боже, как хорошо... – прошептала Эва, глубоко вздыхая и откидывая голову на спинку кресла. Марэ, усевшись рядом на полу, с мягкой улыбкой смотрел на сестру.

– Нельзя так загонять себя, малышка. Наша с тобой аше – лучшая, но ведь и она может закончиться.

– Почему – лучшая? – сонно спросила Эва, закрыв глаза. – Я думала, самая лучшая – у Шанго...

– У него – самая сильная. Может из могилы поднять. Очень многое может наша мать. У Ошун тоже прекрасная аше, но нашим воинам – Огуну, Ошосси, Эшу – она ни капли не годится. Но вот наша с тобой – просто универсальная! Думаю, это из-за радуг и дождя. Вода, свет и воздух есть во всём на земле. Без них ничто не может жить...

– Эшу однажды попробовал поделиться со мной своей аше, – задумчиво вспомнила Эва. – И мне было... немного плохо.

– Немного?! Эшу что – с ума сошёл? – вознегодовал Марэ. – Вот болван! Это всё равно что запивать таблетки кашасой! Впрочем, что с него взять... Отдыхай, Эвинья. Ты сделала потрясающие вещи, но теперь нужно поспать. И обещай, что завтра пойдёшь в кафе и закажешь кучу еды! Ты, надеюсь, не на диете, как все эти вяленые паулисты? Ты же баиянка, держи форму!

– Нет... – Веки уже слипались. – Марэ... Не уходи... Я хочу ещё с тобой... поговорить...

Эва уснула на полуслове, с улыбкой на губах. Марэ поднялся. Ушёл в глубину квартиры, вернулся с лёгким пледом, прикрыл сестру.

---

³⁴ Аше – внутренняя энергия, динамическая и творческая сила, аналог души в кандомбле. Согласно мифологии, каждый ориша обладает особенной, только ему присущей аше.

– Мы ещё поговорим с тобой, сестрёнка, – негромко пообещал он. Ненадолго задержался у стола, глядя на фигурки ориша и восхищённо покачивая головой. Затем вышел на балкон, где уже меркла ночь и таяли над крышами небоскрёбов звёзды, аккуратно прикрыл за собой дверь – и исчез.

Когда Даниэл вернулся из Европы, Эва покрывала статуэтки цветной глазурью. Увидев в дверях мастерской возлюбленного, она повернула к нему лицо – исхудалое, напряжённое, перепачканное краской. В курчавых, кое-как стянутых в узел волосах Эвы торчали кисти.

– Ты?.. Здравствуй... Мне осталось совсем немного...

– Эвинья, я дома! – изумлённо сказал Даниэл. – Ты скучала?

– Конечно. Иди отдыхай, я скоро... – Не договорив, Эва повернулась к керамическому Огуну и вытащила из волос очередную кисточку. О том, что её любимый вернулся домой, она вспомнила лишь поздним вечером. То, что Даниэл, кажется, обиделся, поняла лишь два дня спустя.

... – Эвинья, я расстроила тебя? – встревоженно спросила Ошун, присев на каменный край фонтана и потянув задумавшуюся Эву за руку. – Ты совсем замутилась, красотка! Что такое, а? Неужто ты всерьёз любишь это надутое чучело? Неужто на весь Сан-Паулу не нашлось ничего лучше? Стоило уезжать из Баии! Там такого добра полны помойки! Впрочем... Впрочем, не мне тебя учить, да уж! – Ошун вдруг запустила обе руки в волосы и с ожесточением сказала, – Я сама замужем за таким разбойником, что застрелиться хочется!

– Ошун! – Эва тут же забыла обо всех обидах и горестях. – Всё-таки что-то случилось? Ты приехала не просто так? Шанго снова что-то натворил?

– Ай, девочка, твой брат постоянно что-то творит! Не хочу даже портить тебе настроение... – Ошун, отвернувшись, зачерпнула воды из фонтана, плеснула себе в лицо и поморщилась. – Ужас какой! Пахнет бензином! Как вы тут живёте, несчастные?! Так! – она развернулась к подруге и свирепо уставилась на неё. – Когда ты последний раз вспоминала, кто ты такая? Устрой-ка нам дождик – и уйдём отсюда!

– Куда?.. – растерялась Эва.

– Живо дождь, сестра, говорят тебе! Тьфу, чему вас только учат в этом трижды протухшем университете!

И Эва поняла, что именно это ей сейчас и нужно. И на мгновение сжала в ладонях влажное от пота ожерелье на своей груди – подарок брата. Это было украшение из перламутровых пластинок, изображавших радугу, которую держали в пастьях две свернувшиеся змеи – символы Ошумарэ. Эве показалось, что бронзовые змейки тепло и живо шевельнулись в её ладонях. И она тихо позвала:

– Арроробой, Ошумарэ... – и шёпотом приказала, глядя в смеющееся лицо Ошун, – Дождь! Пусть пойдёт дождь!

И сразу же дымчато-золотистые тучки сошлись в блёклом небе над площадью, на глазах набрякли густой синевой. Налетел свежий ветер, от которого захлопали полотняные навесы уличных кафе. Затрепетали, показывая серебристую изнанку, листья пальм. Со стуком прокатились по асфальту несколько мохнатых кокосов, сброшенных с лотка торговца. Тяжёлые капли застучали по горячему асфальту, заставили вскипеть воду в фонтане. Эву обдало свежестью. Ошун, вся мокрая, хохочущая, в облепившем фигуру жёлтом сарафане, с прилипшими к лицу волосами, вскочила на край фонтана и, опасно балансируя, протянула руку Эве:

– Давай ко мне, сестрёнка! Ты просто...

Но удар грома заглушил её слова, а сама Ошун, не удержавшись на скользком краю каменной чаши, неловко соскользнула прямо в фонтан. Брызги поднялись столбом, а когда Эва прыгнула следом, водяная метель скрыла обеих девушек от любопытных прохожих. Из вихря капель послышался весёлый призыв Ошун:

– Рирро, рирро, Эуа! – и всё стихло. В фонтане больше никого не было. Дождь стучал по асфальту и мутными потоками бежал вниз по улице. В небе кружились тучи.

Когда Эва открыла глаза, рядом не было ни каменных домов, ни фонтана. Вместо горячего асфальта под ногами влажно хлюпал мох. Наверху сходились, закрывая небо, могучие ветви деревьев-гигантов, сплошь перевитые лианами. Пахло сыростью, прелым листом. Отовсюду доносился гомон птиц, изредка прерываемый воплями обезьян. Зеленоватые лучи солнца тут и там пронизывали сплетения листьев и ветвей, играя на каплях испарений и туманясь во влажном воздухе. Огромный тукан сел на узловатую ветку в двух шагах от Эвы и, балансируя клювом, с любопытством уставился на девушку. Рядом протопал с чрезвычайно озабоченным видом рыжий муравьед, и Эва поспешно убрала руку. Муравьед, неприязненно скользнув по ней похожими на чёрные бусины глазами, скрылся в зарослях папоротников. Где-то рядом слышался шум воды, в котором Эве почудился негромкий смех. Улыбнувшись, она смахнула с лица липкую паутинку (сердитый красный паук резво убежал в листву), встала (ноги по щиколотку утонули в буроватом мхе) и позвала:

– Ошун!

– Иди ко мне! – весело раздалось в ответ.

Ошун ждала её, сидя на поваленном стволе дерева возле воды. Это был небольшой ручей, бегущий между мшистыми камнями. По берегам его бродили, забавно кивая, маленькие белые птицы. Ручей образовался из небольшого водопада, падающего в каменистую чашу. Луч солнца, прорываясь сквозь листву, время от времени заставлял воду искриться и играть над зеленью короткими радугами. И на душе у Эвы стало легко и спокойно.

– Люблю это место, – промурлыкала Ошун, выскальзывая из платья, под которым у неё, как обычно, не было белья. – Приглашаю тебя сюда. Приходи, когда захочешь. Это моё царство. Знаешь, в Африке есть целая река – Ошун... Ошун – это любовь... Я родилась там давным-давно, когда камни были молодыми...

– А в России есть целая река под названием Амур³⁵, – задумчиво процитировала Эва. Но подруга уже не слышала её: она ловко прыгала с камня на камень, приближаясь к водопаду. Птицы разлетались со звонким щебетом из-под её ног. В панике лезли на мокрые камни разноцветные, похожие на эмалевые броши лягушки. Нехотя поднимались в воздух огромные бабочки. Что-то громко плеснуло в ручье и ушло на глубину.

Эва не пошла за подругой и сидела на наклоненном стволе добрых полчаса, глядя на то, как Ошун плещется под водопадом, рассыпая вокруг себя снопы искр и радужных капель. На это зрелище можно было смотреть бесконечно, и Эва знала: любой мужчина в Бразилии отдал бы полжизни (а то и всю!), чтобы хоть раз увидеть, как купается в водопаде ориша Ошун. И Эва уже видела, какой будет её следующая картина: полная золотисто-голубого света, свежей зелени, птичьего писка и криков жаб, тихого плеска воды и бормотания камней. И от этой эбеново-чёрной, блестящей кожи, волос, похожих на испанский мох, неповторимых изгибов стройного тела, переплетённых рук, сияющей улыбки застынет в благоговении каждый... И пусть Даниэл сколько угодно говорит, что это дешёвый китч!

– Эвинья, очнись! Куда ты опять «ушла»?!

Вздвигнув, Эва увидела, что Ошун уже сидит рядом с ней, болтая ногой в воде, и широко улыбается, а на плече у неё сидит большая синяя бабочка.

– Ух, как ты на Марэ похожа, когда вот так... – Ошун изобразила застывший взгляд и загадочную улыбку. – Не пойдёшь купаться?

– Я и так уже вся мокрая, – Эва внимательно посмотрела на подругу. – Так что же всё-таки случилось?

---

³⁵ Цитата из романа Ромена Гари «Голубчик»

– Проклятье! – Бабочка в ужасе сорвалась с плеча Ошун и метнулась в лес, а сама Ошун сердито уставилась на подругу. – Я что – не могу просто так увидеться с тобой? И воздать по заслугам тому ничтожеству, что заморочил тебе голову?! Считай, что Эшу попросил меня об этой услуге!

Вспомнив об Эшу, Эва невольно улыбнулась.

– Как у него дела?

– Понятия не имею: не видела его с последней макумбы.

– А у Шанго?

– И его не видела!

Эва резко развернулась. Ошун пристально всматривалась в своё отражение в ручье.

– И ведь всегда, всегда пропадает, когда он больше всего нужен... – пробормотала она, с досадой отбрасывая за спину мокрую прядь волос. – Разве это мужчина? Чёртов сукин сын... Когда-нибудь попрошу у Йанса автомат и перестреляю всех его потаскух! И плевать, что после этого в Баии не останется женщин!

– Шанго ни на кого не мог променять тебя! – изумлённо сказала Эва. – Если он и пропал, то скоро вернётся!

– Ещё бы он не вернулся! – пожалала плечами Ошун. – Но ведь как не вовремя это всё!..

Она умолкла, и встревоженная Эва убедилась: подруга всерьёз расстроена.

– Меня зовут издалека, – наконец, тихо сказала Ошун, пригоршней черпая воду из ручья и наблюдая за тем, как прозрачные капли сочатся между её пальцами. – Меня зовут из такой дали, что я боюсь туда идти. Я ещё не понимаю, кто это, но чувствую, что я должна...

– Как это? – осторожно спросила Эва.

– У тебя такого никогда не было? Дьявол, детка, ты же ориша! Тебя тоже могут позвать в любой миг – и ты придёшь, потому что для этого создана! Это же просто! Любой из нас делает это!

– Я знаю, но...

– Я боюсь, – вполголоса повторила Ошун, поворачиваясь к Эве и глядя на неё расширившимися, полными слёз глазами. – Мои сны замучили меня, и я боюсь! А Шанго столько времени нет рядом! И я просыпаюсь одна! Одна в пустом доме, в пустой постели, чёрт возьми! Зачем мне нужен муж, если я сплю одна?!

– Я сегодня же вернусь в Баию, – помолчав, мрачно пообещала Эва. – Найду Шанго и оторву ему... Всё оторву!

– Не надо, его «всё» мне ещё стодится! – Ошун грустно улыбнулась сквозь слёзы.

– Но ведь по части снов от Шанго всё равно никакого проку, – осторожно заметила Эва. – Он только испортил бы всё! Если хочешь, я займусь твоей аше...

– Может быть, я и попрошу тебя об этом, – медленно сказала Ошун, вглядываясь в воду ручья. – Может быть, сестрёнка. Если пойму, что не могу сама...

– Это опасно? Кто зовёт тебя и куда ты собралась? – Ошун молчала, и Эва неуверенно спросила, – Может быть, поговорить с Жанаиной?

– Не хочу её тревожить, – отмахнулась Ошун. – Она опять расстроится из-за Шанго, а что мать с ним может сделать? Ему не десять лет, чтобы выпороть его как следует! Тем более, что Жанаина уезжает в Рио: там начинаются дни Йеманжи, и без неё никак³⁶.

– Если хочешь – вернёмся в Баию вместе. И там уже решим, как быть.

– Нет... нет, Эвинья. – Ошун снова улыбнулась, посмотрев на подругу из-под мокрых ресниц. – Я попробую справиться сама. Ведь мы отвечаем за тех, кто надеется на нас. Они же не знают, что нам снятся точно такие же сны. Но если... если ты понадобишься мне... Если мне нужно будет пройти между временем и мирами и вернуться назад...

³⁶ Праздник Йеманжи в Рио-де-Жанейро отмечается после католического Рождества, в Баии – в начале февраля.

– Я сделаю всё, что могу, – твёрдо сказала Эва. – И, если нужно, пойду с тобой.
Ошун молча обняла её мокрыми руками. Эва почувствовала, что подруга дрожит. И испугалась уже по-настоящему.

– Ошун! Не плачь! Послушай меня...

– Ты не дашь мне поносить твоё ожерелье? – вдруг спросила Ошун, принуждённо улыбаясь дрожащими губами. – Ужас какое красивое! Марэ понимает толк в таких вещах... Хотя бы ненадолго, а, Эвинья?

– Носи, сколько захочешь! – Эва сняла ожерелье и вложила в холодные, мокрые пальцы Ошун. Та улыбнулась, повесила перламутровых змеек на шею...

... и Эва открыла глаза. Она сидела на краю фонтана. Над Сан-Паулу поднималось ясное, свежее утро. Тут и там на асфальте темнели лужи после ночного дождя. Ошун рядом не было. Поодаль владелец маленького кафе, крепкий мулат в вылинявшей майке и обрезанных джинсах, поднимал жалюзи с витрины. Эва встала, расправила непросохшие складки платья и пошла к кафе. Хозяин обернулся и, вежливо подавив зевок, улыбнулся первой посетительнице:

– Хорош дождичек был ночью, а, сеньорита? Хоть можно стало вздохнуть! Вам эспрессо?

– Да, пожалуйста. – Эва села за столик. Ожидая кофе, она печально думала о том, что после такой чудовищной ссоры ей вряд ли стоит оставаться в квартире Даниэла. О том, что Ошун, конечно же, права. О том, что через две недели начинаются каникулы, и искать квартиру на такой короткий срок смешно. Вероятно, можно попроситься в общежитие, Ана Мендонса поможет это устроить... А сейчас, как ни крути, надо было отправляться на лекции.

Входя в университетские ворота, Эва сразу же увидела на ступенях лестницы высокую фигуру в светлом костюме. Даниэл курил, нервно ходя взад-вперёд и не замечая, что спешащие на занятия студенты то и дело толкают его. Эва остановилась. Она почему-то не ожидала встретиться с любовником так быстро, и неприятное чувство царапнуло сердце. Девушка уже собралась было незаметно выскользнуть за ворота и скрыться – но Даниэл увидел её. И, бросив сигарету мимо урны, торопливо зашагал навстречу. На его лице была написана искренняя тревога и раскаяние.

– Эвинья! Девочка моя! Наконец-то! Где ты была целую ночь? Я тебя искал, обегал полгорода, позвонил всем, даже в полицию! Где ты была? – и, не дожидаясь ответа, стиснул её в объятиях. – Эвинья, я просто мерзавец, я всё понял, прости меня! Ради бога, малышка, прости меня! Я так тебя люблю...

– Даниэл, перестань, на нас смотрят... – смутилась Эва, глядя на то, как с весёлыми и понимающими улыбками на них обернулось несколько человек. – Хватит... как можно... Да выпусти же меня! Иди на лекцию, у вас уже началось!

– Я шагу не сделаю, пока ты меня не простишь! – тихо сказал Даниэл, утыкаясь в её плечо. – Без тебя я ничто. Просто пустое место! Я не могу остаться без тебя.

Растерянная Эва машинально обняла парня. На мгновение ей послышался рядом звонкий и весёлый смех Ошун, но, когда девушка обернулась, рядом никого не было.

Штат Пернамбуку, фазенда Дос-Палмас, 1661 год

Лишь на рассвете Луис собрался с силами для того, чтобы пойти и взглянуть на Мечу. Он целил ей в сердце – вернее, не ей, а тому исчадию ада, в которое она превратилась, – но рука всё же дрогнула. Дьявольское создание рухнуло наземь под отчаянные вопли негров – и тут же стало прежней Мечей: стонущей от боли, зажимающей окровавленное плечо. Луис стоял рядом и смотрел на неё. Если бы его собственные рабы сейчас накинулись на него – он не смог бы даже рук поднять в свою защиту... Но серые от ужаса негры сбились в кучу в углу сарая, и никто даже звука не издал – пока от дома не прибежали надсмотрщики во главе с Фелипе.

Сейчас Фелипе расхаживал, гремя сапогами, взад и вперёд по веранде, и рычал сквозь зубы:

– Пусть хозяин простит мою дерзость, но он просто ума лишился! Один! Пойти туда! Никому ничего не сказать! А если бы Долорес не перебудила нас и не погнала следом? Вас бы просто разорвали в клочья! Я вам столько раз говорил, что эта Меча – ведьма!

Ничего подобного Фелипе никогда не говорил: он бы попросту не осмелился. Но Луис не перебивал его. Он сидел в плетёном кресле, ёжась от непрошедшего озноба, тянул вино прямо из бутылки – и не чувствовал его вкуса. Он понимал, что не имеет права, не должен показывать свой постыдный испуг – но в глубине души трясся как заяц, вспоминая золотистые, прекрасные, устремлённые на него глаза существа, в которое превратилась его Меча.

– Ты знал об этом? – Луис постарался, чтобы голос его звучал холодно и властно, как всегда. – О том, что они творят по ночам?

Фелипе даже вздрогнул. Торжественно перекрестился, вынул из-за драного ворота рубахи крохотное распятие на шнуре и смачно поцеловал его толстыми губами.

– Клянусь спасением своей души, сеньор! Если бы я только знал! О, если бы я знал!.. – Узкие глаза метиса хищно блеснули, и Луис сразу же поверил ему.

– Но, послушай, ведь эти барабаны гремели на всю округу! От них тряслась земля! В будний день они запрещены! Как вышло, что никто из нас их не услышал?

Коричневое, рябое лицо надсмотрщика осталось непроницаемым.

– Если мне позволено будет сказать...

– Да говори же, наконец, дьявол тебя возьми!.. – взорвался Луис. Бутылка опрокинулась. Гранатовая струйка медленно поползла по доскам пола.

– Пусть сеньор не примет мои слова за дерзость. Но вы слишком много воли дали этой Мече. Чёрная обезьяна должна знать своё место. И тогда не будет никаких неприятностей!

Разумеется, Луис знал это и сам. И понимал, что чёртов мулат прав. Но отчего-то ему до смерти хотелось ударить кулаком в это рябое, жестокое лицо.

Фелипе, очевидно, почувствовал что-то в настроении хозяина и продолжать не стал. Помолчав, сдержанно спросил:

– Как прикажете поступить с чёрными?

– Как всегда. Но не до смерти. Скоро сезон.

– Понятно, сеньор.

– Все эти их барабаны, погремушки и идолов – сжечь к дья...

– Уже, сеньор.

Только сейчас дон Луис понял, откуда этот запах гари в сыром предрассветном воздухе. Громадным усилием воли он заставил себя встать. Страх всё ещё держал Луиса за сердце, и главное теперь было – не покориться ему.

– Куда направится сеньор? – осторожно спросил Фелипе, глядя на то, как хозяин не спеша спускается со ступеней веранды. Луис не ответил ему.

Мулат догнал своего господина уже у сарая.

– Может быть, мне лучше пойти с вами, сеньор?

Остановившись, Луис смерил его холодным взглядом.

– Привяжи язык. Мне ещё не нужна охрана, когда я вхожу к связанной негритянке.

Фелипе отстал. Луис сам снял тяжёлый засов с двери сарая и вошёл внутрь.

Меча лежала у стены, связанная, как свиная колбаса. Солнце уже поднялось, его блёклые лучи пробились сквозь щели в крыше. Противно зудели москиты. Влажно чавкнули под сапогом прелые стебли прошлогоднего тростника. Луис постоял немного, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Затем хрипло позвал:

– Меча!

Она не шевельнулась. Луис молчал, чувствуя, как снова поднимается из недр души страх, с которым он не мог совладать.

– Меча, посмотри на меня!

Она с усилием перекадилась на бок, охнула. Повязка, охватывающая её плечо, набухла от крови.

– Хочешь, я развяжу тебя?

Видит бог, он сделал бы это. Сделал бы, несмотря на то, что Меча могла вцепиться ему в горло. Сделал бы, стоило ей только попросить. Заплакать. Взмолиться о пощаде. Хоть чем-то показать, что перед ним – прежняя Меча, его Меча, которую он целовал как безумный в жаркой постели, сходя с ума от запаха её кожи, от блеска белков, от тихого смеха... Но она лежала неподвижно, прижавшись щекой к вонючей тростниковой подстилке, и смотрела на него остановившимися сухими глазами. И в глазах этих не было даже страха.

– Почему, девочка? – Луис закрыл за собою дверь и подошёл вплотную к Мече так, что его сапоги оказались рядом с её лицом. – Я всегда был добр к тебе. Ты не мучилась тяжёлой работой. Тебе было позволено многое. Я тебя... Я разрешал тебе то, чего не должен был разрешать. Почему ты лгала мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.